

Миньон Эберхарт

Две богатеньких малышки

Миньон Эберхарт
Две богатеньких малышки

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159401
Оригинал: MignonEberhart, "Two Little Reach Girls"*

Содержание

1	4
2	19
3	39
4	57
5	78
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Миньон Эберхарт

Две богатеньких малышки

1

Она позвонила в колокольчик и рассеянно огляделась.

Стоял майский день, лазурно-золотой нью-йоркский день, когда радость словно разлита в воздухе. Солнечные зайчики весело играли на молодых зеленых листочках и на стенах дома. Узкий, изящный, окруженный изгородью из аккуратно подстриженного кустарника, дом казался среди своих соседей забытым, сказочным уголком старого Нью-Йорка, тем более что отсюда не было видно небоскребов.

Для Эмили Ван Сейдем это действительно был Дом – дом ее детства. Только бы сестре не пришло в голову продать его. Хотя, конечно, с приобретением новых роскошных апартаментов все домашние хлопоты разом свалились бы с хорошеньких хрупких плечиков Дианы Ван Сейдем (вот уже четыре года как Дианы Уорд)... Эмили снова позвонила...

...и тут до нее дошло, что за это время кто-нибудь да должен был подойти к двери! Даже если прислуга в очередной раз сбежала, сама Диана не могла не услышать звонка. Они не договаривались идти вместе на собрание комитета; просто погода была такой чудесной, что Эмили решила прогугу-

ляться пешком до дома Дианы. Собрание было назначено на четыре; Эмили взглянула на часы – стрелки подбирались к указанному времени. По тихой улочке с шумом промчалось такси. Эмми еще раз позвонила – вдруг Диана наверху и не слышит; затем подергала дверь, но та, конечно, оказалась заперта. Очень может быть, подумала она, что Диана вовсе забыла про собрание – это вполне в ее духе. Эмми уже собралась было уходить, когда дверь робко скрипнула – и тут же распахнулась. На пороге стояла Диана – растрепанная, в одной рубашке; глаза ее были полны ужаса. Она втащила Эмми в дом и с грохотом захлопнула дверь.

– Эмми! – всхлипнула Ди. – Эмми, это не я! – и судорожно разрыдалась.

Этого не могло быть – но тем не менее было.

На полу в холле, раскинув руки, лежал человек.

Эмми шагнула ближе. Это был Гил Сэнфорд – могучий, красивый, всегда полный жизни... Всегда – только не сейчас. В широко распахнутых темных глазах застыло пустое, бессмысленное выражение; на груди белой рубашки расплылось красное пятно.

– Ди... Ди, что произошло?

Диана, пошатываясь, побрела к лестнице и села на ступеньку.

– Это не я! – повторила она, всхлипывая.

Когда-то давно – главным образом из желания, чтобы к ней относились не как к "богатой малышке", а как к надеж-

ному члену общества – Эмми окончила курсы оказания первой помощи. Она заставила себя приблизиться к Гилу Сэнфорду и взять его за запястье. Пульс не прощупывался. Алые пятна были повсюду – даже золотая булавка на галстукѣ забрызгана кровью.

Диана привстала на лестнице и прижалась к перилам:

– Эмми... он вправду мертв?

Эмми наконец удалось подняться. Она подошла к столику и оперлась на него обеими руками. Одно дело – курсы первой помощи; совсем другое – труп человека, к тому же знакомого...

– Да, – ответила она.

– Не может быть, – простонала Диана, – не может быть...

– И тем не менее ...

Сестры молча смотрели на тело. Тишина в доме казалась оглушительной. Нужно взять себя в руки, думала Эмми, нужно что-то предпринять...

– Вызови врача, – внезапно сказала Диана. – Его номер – в моей красной книжке, рядом с телефоном. Вызови...

– Бессмысленно, – сдавленным голосом сказала Эмми. – Звать нужно полицию. Ди, что же все-таки случилось?

– Не знаю. – Диана снова опустилась на ступеньку, глядя на сестру сквозь прутья перил. – Что-то невысказанное... Я одевалась. Наверху. Я даже не знала, что он в доме. И вдруг я услышала... сперва мне показалось, что это выхлопы автомобиля. Но потом я поняла: это совсем другое. Выстрелы!

Я сбежала вниз и увидела... – она снова разрыдалась, – увидела его! Он лежал... вот так, как сейчас! Эмми, может, он еще жив? Вызови врача, ради Бога!

– А где Дуг?

Эмми говорила о Дугласе Уорде – муже Дианы.

Ди судорожно сглотнула:

– На репетиции...

– Где именно?

– Не знаю... то есть, подожди, наверное, в отеле "Эдисон" – в танцзале или еще где-то...

– Ты знаешь номер телефона?

– Нет... он в телефонной книжке. Но... Ох, Эмми, я не верю, что Гил мертв! Почему ты не вызовешь врача?

– Сначала нужно вызвать полицию. Потом я попытаюсь дозвониться до Дуга...

– Но врач нужен мне! – выкрикнула Диана; ее трясло.

Это верно, подумала Эмми. Ближайший телефон в доме находился в кабинете Дуга.

– Хорошо, – сказала она и отважно двинулась вглубь дома, стараясь как можно ровней идти мимо недвижимого тела Гила Сэнфорда.

Дверь в тесный кабинет Дуга оказалась открытой. Стены были уставлены книжными полками. У окна располагался огромный письменный стол, заваленный горами бумаг. Повсюду громоздились красные папки – сценарии. На краю стола стоял телефон. Эмми сняла трубку – и тут до нее дошло,

что она не знает ни номера врача, ни номера отеля "Эдисон". Дуга вряд ли удастся разыскать быстро; лучше начать с доктора – Ди действительно нуждается в помощи... Она взяла красную записную книжку сестры, но не сразу вспомнила фамилию врача.

– Его зовут Уилсон, – донесся слабый голосок Ди, мелодичным эхом прокатившийся по безлюдному дому.

Эмми отыскала и набрала нужный номер. Приятный женский голос сообщил ей, что доктора нет дома, но он немедленно перезвонит, как только вернется.

Теперь – полиция...

– Ты дозвонишься до доктора Уилсона? – спросила с лестницы Диана. – Приготовь ему кофе. Я ужасно себя чувствую!

Я – не лучше, мрачно подумала Эмми, но ответила:

– Он вот-вот придет.

Итак, полиция. Снова – приятный вежливый голос, на сей раз мужской. Эмми назвала адрес Дугласа Уорда и сказала:

– Здесь лежит человек. Его, наверное, застрелили. Он мертв.

– Ясно. Оставайтесь на месте. Мы прибудем через несколько минут. И никого не выпускайте из дому!

"И никого не выпускайте из дому"...

Ужас охватил Эмми. Она рывком обернулась к двери:

– Ди, в доме есть кто-нибудь?

– Нет...

– Ты уверена?

– Конечно. Слуги уволены. Да и кто бы мог сюда войти? Двери-то заперты...

Гил, к примеру, вошел, подумала Эмми; но в трубку сказала:

– Нас здесь только двое: миссис Уорд и...

– Машина уже выехала, – перебил приятный голос.

Эмми поблагодарила и повесила трубку.

– Диана! Как Гил попал в дом?

– Не знаю! Я его не впускала! Ох, Эмми, видимо кто-то пришел вместе с ним и... убил его... и ушел. Я не вижу другого объяснения.

– Я тоже, – медленно произнесла Эмми, но мысли ее начали проясняться. Если Гил застрелился, где-то должен быть пистолет. Если же он не стрелял в себя сам, значит, это сделал кто-то другой. Это было ясно, как день... Эмми выбежала из кабинета, намериваясь спросить у сестры, не видела ли та пистолета, но Дианы уже не было на лестнице. Эмми быстро оглядела холл, ступеньки – оружия нигде не было. Вместо того, чтобы звонить Дугласу, Эмми зачем-то обошла вокруг тела Гила Сэнфорда, стараясь не глядеть в лицо, которое всегда было таким улыбчивым, таким обаятельным, так радостно сияло в присутствии хорошенькой женщины... Она поднялась наверх, уверенная, что Диана отправилась в свою комнату.

Так оно и было. Ди, путаясь в оборках, натягивала пеньюар из розового шелка с пеной кружев, более напоминающий

бальное платье.

– Я как раз начала одеваться, когда услышала выстрелы. Ох, Эмми, это было ужасно! Я оставалась тут с ним минут пятнадцать, наверное, – но кажется, что целую вечность! Когда придет доктор?

– Не знаю. Ди, а пистолет? Ты видела пистолет?

Диана замерла, наполовину просунув руку в пенно-розовый рукав; голубые глаза ее расширились и уставились на Эмми.

Диана всегда была красива, ошеломляюще красива – золотые волосы, тонкое, нежное личико, хрупкий и незащищенный облик. Однако она была сильна, как лошадь; но чтобы угадать в Диане эту силу, нужно было знать ее так, как знала Эмми. Истерические рыдания не оставили на ее веках и следа красноты или припухлости. За хорошеньким личиком, за наивными голубыми глазками скрывался быстрый, трезвый, расчетливый ум.

– Значит, его застрелили! – произнесла она.

– Я не нашла пистолета.

– Так давай искать!

Диана опрометью выбежала из комнаты и бросилась вниз по лестнице; Эмми еле поспевала за ней.

Сестры кружили в поисках оружия, изо всех сил стараясь не глядеть на мертвое лицо Гила. Обыскав холл, они принялись за гардероб и длинную, узкую прихожую. Все было тщетно.

– Это бессмысленно, – сказала наконец Эмми. – Если он застрелился, пистолет должен быть под... под ним. Если же его застрелили, то убийца унес оружие с собой.

– Нет! – закричала Диана. – Нет, говорю же тебе! Это не я! Я его не убивала! Я же сказала тебе сразу, едва ты вошла!

– Но ты подумала о том, что его убили!

– Не знаю, о чем я подумала! Я не думала об убийстве, пока ты не спросила, где пистолет. Честно, не думала! Я вообще ничего не соображаю. Только одно: это не я. Эмми, а ты можешь посмотреть... ну, под ним...

– Нет, – отрезала Эмми.

– Ну ладно, тогда я сама.

Не медля ни секунды, не собираясь с силами, Диана метнулась назад в холл, – шуршание шелка и кружев, летящие волосы, – склонилась над Гилом и попыталась поднять безжизненное тело за плечи; затем обернулась к сестре:

– Тебе придется помочь. Он такой тяжелый...

Эмми постепенно начинала соображать:

– Этого нельзя делать, Ди. Они же сказали: ничего не трогать.

– Кто – они? – блеснули голубые глаза Дианы.

– Полиция. Они сейчас будут здесь.

– Но пистолет... он же должен где-то быть! Я хочу его найти!

Она снова склонилась над Гилом и обхватила его за плечи. Эмми подбежала к ней:

– Ди, не надо! Ты перемажешься кровью.

– Но вдруг это был мой пистолет! – Диана задыхалась, но не оставляла попыток приподнять тело.

– Твой?.. – У Эмми пересохло в горле. – Но, Ди, ты же говоришь, что не убивала его!

– Говорю. Не убивала.

– Но... я не знала, что у тебя есть пистолет.

– Разумеется, у меня есть пистолет, – Ди тяжело дышала. – Если женщина живет в большом городе, у нее должны быть хоть какие-то средства самообороны. Почему бы мне не обзавестись пистолетом?

Эмми твердо положила ладони на хрупкие плечи сестры:

– Послушай, Ди. Тебе стоит прямо сейчас посмотреть, на месте ли твой пистолет. И если его там нет...

– Ты вызвала полицию. Они вот-вот приедут. Если они найдут мой пистолет, будет поздно: они решат, что это я его убила... – Диана внезапно выпустила из рук тяжелое тело Гила и без сил опустилась на колени. – И зачем только я появлялась с ним на людях!

Эмми чуть было не сказала: "Кто с ним только не появлялся на людях!" Гил Сэнфорд был едва ли не профессиональным дамским угодником. Вместо этого она произнесла:

– Теперь это неважно.

– Для полиции – важно. Всякий сплетник в Нью-Йорке скажет, что он был моим любовником, что мы поссорились, и что... Я должна найти пистолет, неужели ты не понимаешь?!

В этом, пожалуй, был здравый смысл. Хотя Гила Сэнфорда видели со многими девушками, он тем не менее постоянно и повсюду сопровождал Диану с тех пор, как пьеса Дуга была принята для постановки, и он стал пропадать на репетициях, а потом – на отборе актеров в Нью-Хейвене, Атлантик-Сити, Филадельфии. Так что Диану и впрямь чересчур часто видели в компании Гила – обеды, театры, ужины, танцевальные вечера и так далее. Не мудрено, что Диана Ван Сейдем Уорд стала предметом всеобщего любопытства и, как она справедливо заметила, мишенью для сплетен.

– Где ты обычно хранишь пистолет? – спросила Эмми.

– Наверху, в спальне. – Диана нахмурилась. – По-моему, я положила его в маленький письменный стол, что сразу за дверью. Да. Эмми, найди его. Поскорее!

Полицейский сказал: "Мы прибудем через несколько минут". Эмми вихрем взлетела по узкой, крутой лестнице в спальню Дианы. Письменный стол в стиле ампир стоял прямо за дверью – изящный, с глянцевой патиной. Эмми отбросила крышку – и застыла в растерянности.

Она думала, что хорошо знает сестру, но все же не ожидала увидеть столь чудовищного беспорядка. Ящики ломились от бумаг: письма, афишки, объявления, записки, приглашительные билеты... Эмми перерыла все, пытаясь наощупь найти пистолет – но тщетно. Один ящичек был закрыт, и из него торчал ключ, повернув который, Эмми обнаружила поразительный контраст с тем, что видела доселе. Здесь

все было в безупречном порядке: большая чековая книжка Дианы; заколотая скрепкой стопка корешков от оплаченных счетов; папка с аккуратной надписью "Неоплаченные счета"; карандаши, резинки, ручки, промокательная бумага... Этот ящик наводил на мысль о рабочем месте идеальной секретарши.

Но пистолета не было и здесь. Эмми повернулась – и больно ударилась локтем об еще один образчик педантичности Ди в денежных вопросах: электрическую счетную машинку, стоящую на приземистом столике рядом с письменным столом.

Подобное отношение к деньгам было обратной стороной беспечной натуры Дианы. Еще школьницей она всегда скрупулезно проверяла собственные счета, прежде чем отправить их адвокату, который тогда опекал сестер Ван Сейдем. Вообще-то де-юре за них отвечал отчим, но фактически опекуном являлся семейный адвокат. Да и теперь в ресторанах Диана самым тщательным образом изучала счет, не упуская ни малейшей ошибки.

Однако пистолет – не деньги, и куда Диана его сунула – одному Богу известно. Эмми рывком распахнула дверь огромного гардероба. По обыкновению Дианы, самые роскошные меха, до сих пор не отправленные на хранение, в живописном беспорядке свисали с благоухающих, обтянутых бархатом плечиков или попросту с крючков. Среди шуб Эмми увидела и несколько платьев – тоже безумно дорогих и неве-

роятно измятых. Целые полки были забиты шляпными коробками и разномастными сумочками, но Эмми некогда было рыться в этом ералаше. Из одной коробки кокетливо свисал чулок... Она захлопнула дверь, открыла другую – тот же чудовищный кавардак: на этот раз преимущественно платья вперемешку с пеньюарами и шикарными, но донельзя измятыми ночными кофточками... Следующая дверь вела в ванную, выложенную розовой плиткой, со множеством зеркал. Там у Эмми окончательно опустились руки. Дорожки талька на полу; повсюду – чулки, комбинации, мокрые полотенца; разбитая баночка солей для ванн – в мраморном умывальнике с позолоченными кранами... а может, и золотыми, подумала Эмми. Она вспомнила, как сестра говорила ей, что потрясающе отделала ванную – мрамором и золотом. Эмми, помнится, тогда содрогнулась, а Ди потешалась над ней...

Но пистолета не было и здесь.

Эмми вернулась в спальню сестры и услышала внизу громкие голоса – приехала полиция. Она бросила поиски и медленно направилась к лестнице. Спускаясь, увидела, что какой-то человек в синей форме бежит от распахнутой входной двери на улицу, к полицейской машине. До этого момента Эмми словно видела страшный сон; да, она понимала, что Гил мертв, но только появление людей в форме – которых она сама же и вызвала, – поставило на тело, лежащее под лестницей, ледяную печать реальности.

Один из полицейских обернулся на звук ее шагов:

– А, вы – сестра миссис Уорд. Мисс?..

– Ван Сейдем, – произнесла Диана вмиг окаменевшими губами. – Эмили Ван Сейдем.

Она увидела, что первый полицейский, сидя в машине прижимает к губам какой-то черный предмет – похоже, радиотелефон. Сообщает об убийстве?

Эмми присела на ступеньку. Ди сидела на скамеечке в холле, прекрасная, печальная и беззащитная. Кружева на рукаве были выпачканы кровью. Эмми мысленно взмолилась, чтобы полиция этого не заметила.

Полицейский учтиво сказал, что им предстоит много работы, поэтому будет лучше, если молодые леди пройдут в другую комнату.

– И пожалуйста, оставайтесь там, пока мы вас не позво-
вим, – вежливо, но веско добавил он.

Взгляд голубых глаз Дианы внезапно стал холодным и жестким:

– Вы намерены нас допрашивать?

– Я... э-э-э... ну да, разумеется. То есть, когда вернется лейтенант...

– Мне нужен адвокат, – отчеканила Диана. – Я имею право воспользоваться услугами адвоката.

Полицейский растерянно заморгал. Его явно изумили металлические нотки в голосе юной красотки, которая всего несколько секунд назад выглядела перепуганной и беспомощной.

– Да, мадам, разумеется, – кивнул он наконец. – Если хотите пригласить адвоката – вы в своем праве.

Диана поднялась:

– Отлично. Эмми, идем. В кабинет Дуга. Кстати, ты ему звонила?

– Нет еще. Мы сейчас...

– О ком вы говорите? – вмешался полицейский.

Эмми вдруг осознала, как это чудовищно – вести разговоры рядом с телом Гила. Она направилась в кабинет, бросив через плечо:

– Дуглас Уорд – супруг миссис Уорд.

– Где он сейчас? У себя в офисе? – Полицейский поднялся за ними на несколько ступенек. Диана больно сжала локоть Эмми. Та снова ответила:

– Нет, он на репетиции. Дуглас Уорд, драматург. В четверг у него должна состояться премьера.

– А-а, – понимающе протянул полицейский. – Театр...

В его голосе Эмми почудились двусмысленные нотки. Ее всегда поражало, что даже сейчас некоторые люди продолжают считать, будто люди театра (а также художники и писатели) непременно должны вести сумбурную, не вполне добропорядочную жизнь. Неужели трудно понять, недоумевала она, что успеха добиваются только великие труженики; они-то и есть опора общества?!..

– Могу ли я ему позвонить? – сухо осведомилась она.

– Да, конечно, – растерянно сказал полицейский и доба-

вил: – Конечно, мадам.

Дверь кабинета наконец-то отделила сестер от представителей закона, но до Дуга они так и не дозвонились. В отеле "Эдисон" его не оказалось; наконец, Эмми удалось вызвать к телефону примадонну труппы – Коррину Харрис. Неподражаемым, низким с легкой хрипотцой голосом Коррина сказала, что Дуглас вышел перекусить в какой-то ресторанчик по соседству, и пообещала передать ему, чтобы перезвонил домой, как только вернется. Но что-то в голосе Эмми настоятельно чуткое ухо актрисы:

– Что-нибудь случилось?

Рано или поздно она все равно узнает, подумала Эмми.

– Да, – пустым, механическим голосом ответила она. – В Гила Сэнфорда стреляли. Он убит. Здесь, в доме Дуга...

Она осеклась, потому что в трубке раздался какой-то грохот, а потом настала абсолютная тишина; не было даже гудков.

Эмми не сразу повесила трубку. Впрочем, реакция актрисы не слишком встревожила ее и даже не удивила. Вероятно, Коррина Харрис хорошо знала Дуга, и страшное известие выбило ее из колеи. Лишь бы она не упала в обморок, мельком подумала Эмми. Это могло привлечь внимание репортеров еще до того, как... А до чего, собственно? – спросила она себя.

– Коррина была помолвлена с Гилом, – сказала Диана. – Он сказал мне об этом по телефону. Вчера.

2

– О, Господи, – сказала Эмми.

Если Гил был помолвлен с Корриной Харрис, никто уже не посмеет сказать, что он был любовником Ди. Позже она поняла, что это не совсем так. Просто в тот момент она не могла мыслить последовательно.

– Давай позвоним Бигэму, – возбужденно сказала Диана. – Полицейский сказал, что я могу вызвать адвоката. Он тотчас приедет.

Кларенс Бигэм когда-то был опекуном Эмми и Дианы; он и сейчас оставался их поверенным. Это был пожилой, тщедушный и очень мягкий человек.

Однако Бигэма не оказалось в городе.

– Ах, как жаль! – воскликнула Эмми в телефонную трубку. – А когда же он вернется?

– Не знаю, – ответила девушка на том конце провода. – Он сейчас в Риме, улаживает вопрос с именем. Я могу позвонить ему, если хотите...

– Нет, нет, нам нужна помощь прямо сейчас. Подождите минуточку, пожалуйста... – Эмми обернулась к Диане. – Он в Риме. Как ты думаешь, что, если позвать Сэнди Путнэма? Он сейчас работает у мистера Бигэма. Он хороший адвокат, и мы его знаем.

Хорошенькое личико Дианы омрачилось.

– Не знаю... Сэнди всегда меня недолюбливал... по крайней мере, мне так кажется...

– Глупости! Он отличный адвокат, и мы знаем его тысячу лет, и он... – Эмми прикусила язык, едва не сказав: "Он сделает все, чтобы помочь тебе выпутаться из этой истории". Вместо этого она произнесла: – В общем, я предлагаю позвонить ему.

– Ладно, – нехотя согласилась Диана.

Эмми быстро набрала нужный номер. На Сэнди Путнэма у нее было больше надежды, чем на старика Бигэма... если речь действительно идет об убийстве. Сэнди молод, и он – настоящий борец. Именно это и нужно Диане. Она попросила к телефону мистера Путнэма. Наконец в трубке послышался знакомый голос:

– Алло?

– Сэнди, это Эмми...

– Я узнал тебя, – радостно откликнулся Сэнди. – Привет, Эмми. Как поживаешь?

– Мы попали в беду. То есть... – Она снова осеклась. – Гил Сэнфорд мертв. Он в доме Ди. Полиция уже здесь.

Повисла недолгая пауза. Затем Сэнди сказал:

– Это убийство или самоубийство?

– Мы не знаем. И они не знают. Сэнди, нас собираются допрашивать.

– Хорошо. Я сейчас буду. Пока ничего не говорите. Я приеду на метро, это быстрее, чем такси. Где Дуг?

– На репетиции. Точней, вышел поесть. Он еще не знает.

– Ничего не говорите! – повторил Сэнди и повесил трубку.

Эмми глубоко вздохнула и опустилась на стул. Как все-таки здорово, когда есть человек, который понимает все с полуслова.

– Он приедет? – спросила Диана.

– Конечно.

– Это же ужас как далеко. В самом конце Уолл-стрит.

– Но ближе, чем Рим.

Диана внимательно посмотрела на нее:

– Тебе всегда нравился Сэнди. Странно, что вы... что между вами никогда ничего не было.

Эмми слышала голоса внизу, но слов разобрать не могла. Казалось, что несколько человек говорят одновременно. Видимо, подъехали еще полицейские – должно быть, из отдела по расследованию убийств. Она чувствовала огромное облегчение от того, что Сэнди уже в пути.

Диана тоже напряженно вслушивалась, повернувшись к двери. Эмми невольно вспомнила, как впервые увидела Сэнди. Она была на два года младше Дианы, но первый выход в свет сестры совершили вместе. Эмми мечтала о том, чтобы ее сопровождал Дуг, но его заполучила Ди. И тогда кто-то привел Сэнди – в качестве эскорта для Эмми. Он тогда только-только закончил колледж. Она словно наяву увидела, как они с Сэнди стоят рядышком, Эмми опирается на его руку, ее ладошка слегка дрожит. А прямо перед ними в зал

входят Ди и Дуглас. Когда настал черед Ди делать реверанс, она присела так низко, что у Эмми дух захватило. Ей показалось, что сестра не сможет выпрямиться и шлепнется прямо на пол. Сэнди явно подумал то же самое и пробормотал: "Черт, сейчас она плюхнется на задницу," – но тут же опомнился и, красный как рак, в полной растерянности обернулся к Эмми: "Ох, извини!" И она, забыв обо всех правилах приличия, прыснула, как девчонка. Тем временем Ди, как ни в чем не бывало, выпрямилась, опираясь на ладонь Дуга. Настала очередь Эмми. Она с превеликой осторожностью присела в глубоком реверансе и с легкостью встала на ноги, благодаря надежной руке Сэнди, обтянутой белой перчаткой...

Все это вдруг показалось Эмми воспоминаниями далекого детства; чего только не случилось с тех пор... Ди выскочила замуж за Дуга едва ли не в тот же день, как распрощалась со школой. Несмотря на муки ревности – детской ревности, как она полагала теперь, – Эмми достало гордости как ни в чем не бывало веселиться на свадьбе в качестве подружки невесты, – и сестры остались так же близки друг другу, как и до замужества Дианы. Из-за двери донесся шум. Эмми показалось, что она слышит щелчки фотоаппаратов. Она взглянула на часы: почти пять. Неужели всего только час прошел с того момента, как она позвонила в дверь и перепуганная до смерти Диана впустила ее?

– Я так и знала, – раздраженно произнесла Ди, – что Сэнди будет добираться сюда целую вечность. Хоть бы Коррина

пришла в себя и разыскала Дуга.

– Я удивилась, что они с Гилом были помолвлены. Неожиданно, правда?

– Не совсем. Он сообщил мне об этом по телефону. Сказал, что в свое время они с Корриной собирались пожениться; потом между ними что-то произошло и отношения прекратились. А на репетициях у Дуга они снова начали встречаться, и все вспыхнуло с новой силой, и не успел он сообщить, что к чему, – это его слова, – как оказалось, что они уже обручены.

– Не успел сообщить? – В этих словах что-то было не так. Эмми озадаченно сдвинула брови. – Но, если бы Гил не хотел обручаться с ней, то не стал бы этого делать?

– Конечно. Просто, мне кажется, он выразился так, потому что чувствовал себя в некотором роде... ну, что ли, виноватым передо мной. Он был так предан мне всю зиму, но, если честно, мне было совсем наплевать, женись он хоть на дюжине девиц одновременно. Он просто обманывал себя, – Диана нахмурилась, – внушал себе, будто я... будто я в него влюблена. Хочешь жениться на Коррине, так и женись, мне-то что... Но где же Дуг? Когда он позвонит или придет? И что они делают там, в холле?

С лестницы доносились голоса и тяжелые шаги.

– Обыскивают дом, – сказала Эмми.

– Но здесь никого нет, говорю тебе. – Ди вздохнула и откинулась на спинку большого красного кресла. Обычно в

нем сидел Дуг, курил, обдумывал какой-нибудь замысловатый сюжетный ход...

– А разве у тебя нет прислуги?

Диана смерила ее откровенно насмешливым взглядом.

– Сейчас – нет. А у тебя?

– У меня, как ты знаешь Агнесс. Днем еще приходит уборщица.

– А как Джастин обходится без камердинера?

– На Мэдисон-авеню есть чистка, – коротко ответила Эмми и подумала об отчине с легким раздражением, но не без нежности. Ему было за шестьдесят, но выглядел он таким же беззаботным франтом, как и много лет назад, когда Эмми и Ди были совсем малышками, и их мать, после года-другого вдовства, вышла за него замуж. Эмми всегда нравился отчим, хотя его беспечный нрав и вечные шуточки могли кого угодно довести до белого каления. Взять хотя бы его привычку каждое утро, отправляясь в "турне" по любимым клубам, продевать в петличку свежесрезанную и только что доставленную алую гвоздику...

– Ты, конечно, думаешь, – с мрачным видом сказала Ди, – что с нашими деньгами ничего не стоит нанять приличных слуг. Как бы не так! Позавчера вечером Дуг вышвырнул из дому последнюю прислугу – мужа и жену. Он вернулся с репетиции поздно, и никто не позаботился о том, чтоб его ждал горячий ужин. Не знаю, что уж там произошло, но на утро их след простыл. Меня не было дома – я была с ... О, Гос-

поди, Эмми, я была с Гилом!.. Что они там делают, как ты думаешь? Ищут пистолет?

Внезапная перемена темы вернула сестер к беспощадной реальности.

– Не знаю, что именно они делают, – сказала Эмми, – но это долгая процедура.

– Процедура? – голубые глаза Дианы тревожно заблестели.

– Ну, а как же – отпечатки пальцев, фотографии ... не знаю, что там еще, но все это требует времени, – сказала Эмми, думая: скорей бы появился Сэнди!

– Мои отпечатки пальцев – повсюду, – сказала Диана.

– Естественно. Они понимают, что иначе быть не может, ты же здесь живешь.

– Но ... – Ди вдруг заметила пятно крови на кружевном рукаве своего пеньюара. – Эмм, погляди! – в ужасе воскликнула она. – Они же скажут, что это я в него стреляла!

– Тут есть ванная? Может, они уже заметили это пятно, но все равно отстирай его.

Диана вскочила с кресла и метнулась в крохотную ванную комнату. Послышался шум воды.

– Только холодной, – добавила Эмми, – иначе не отстирается.

Наконец появилась Ди, держа на отлете изящную белую руку.

– Они же увидят, что рукав совсем мокрый.

– Попробуй просушить полотенцем.

Ди снова скрылась в ванной.

В холле послышался какой-то новый голос, ясный, спокойный, уверенный; он звучал все ближе и ближе. Сэнди!

– Ди, Сэнди пришел! – воскликнула Эмми и бросилась ему навстречу как раз в тот момент, когда он открывал дверь кабинета.

За спиной у Сэнди Эмми увидела людей в форме и в штатском; кто-то возился у тела Гила; в холле стоял острый, едкий запах. Сэнди взял ее за руки, шагнул в кабинет, плотно закрыл за собой дверь и сказал:

– Бога ради, Эмми, не гляди ты на меня так, словно это ты его убила.

– Ох, Сэнди!

Увидев его, услышав его голос, Эмми испытала невероятное облегчение. Силы мгновенно покинули ее, и она прижалась головой к его плечу, пряча внезапные слезы. Сэнди обнял ее:

– Ну, ну, Эмми, успокойся. Тише, тише.

Из ванной появилась Ди, вытирая полотенцем мокрый розовый рукав.

– Ах, это ты, – прохладно произнесла она. – Я думала Дуг.

– А что, Дуга еще нет? – спросил Сэнди поверх головы Эмми.

– Нет, – ответила Ди. – Мы никак его не разыщем. Сэнди, что ты намерен делать?

– Пока не знаю, – медленно произнес Сэнди. – А что это ты делаешь с полотенцем?

– Вытираю кровь, – ответила Диана так буднично и хладнокровно, словно речь шла о пролитом на платье флакончике духов.

Сэнди непроизвольно сильнее сжал Эмми в объятиях; голос его тоже напрягся:

– Что ты хочешь этим сказать?

– Что я вытираю кровь. Ничего больше, – пожалала плечами Ди.

Эмми подняла голову:

– Она пыталась найти пистолет. Мы думали, что, может быть, Гил застрелился, и тогда пистолет где-то под телом, и мы...

– Ясно, – оборвал Сэнди.

Он решительно взял Эмми за руки и усадил в красное кресло; затем отобрал у Ди полотенце, оглядел его, пошел в ванную и внимательно осмотрел умывальник.

– Вы сделали ужасную глупость, – сказал он, вернувшись. – Впрочем, вы вряд ли могли трезво мыслить...

– Но я же вызвала полицию! – сказала Эмми. – И мы пытались найти Дуга. И я позвонила тебе.

– М-м-да. – Сэнди придвинул стул с высокой прямой спинкой. – Садись, Ди. Рассказывай мне все по порядку – абсолютно все. И как можно быстрее.

Но быстрее не получилось.

– Сэнди, что они там делают в холле? – с тревогой воскликнула Ди.

– Убирают тело Гила. Когда это произошло?

– Как ужасно! – Ди, казалось, не слышала вопроса. – Небось вся улица глазаеет?

– Да, у дома я видел несколько человек.

– Это были репортеры? – резко спросила Ди.

– Не знаю, я спешил. Не думаю. Впрочем, без репортеров все равно не обойтись. А теперь, наконец...

– И как раз накануне премьеры у Дуга! – простонала Ди. – Кошмар... Что же будет, Сэнди? Они отложат премьеру, да?

– Я понятия не имею, что намерен делать Дуг или кто-то там еще. Что произошло? Когда? Рассказывай по порядку и скорей!

– Но я не могу не думать о Дуге, – жалобно протянула Ди. – Это же его первая постановка на Бродвее. Он так трудился, с тех самых пор как мы поженились...

– Все четыре года, не покладая рук, – съязвил Сэнди и повернулся к Эмми:

– Ну хорошо. Эмми, расскажи мне сама.

– Я пришла за Ди; мы собирались вместе на собрание комитета...

– ...насчет октябрьского благотворительного бала, – встряла Ди.

Сэнди сверкнул глазами; казалось, он готов ее ударить. Глаза его, обычно ярко-зеленые, в моменты гнева стано-

вились темно-серыми, почти черными. Эмми поторопилась продолжить:

– Я позвонила в дверь, но никто не открывал. Наконец Диана впустила меня, и я увидела Гила... на полу... мертвого.

– Как ты узнала, что он мертв?

– Я ... я пощупала пульс. И повсюду была кровь – ему выстрелили в грудь.

– Потом мы стали искать пистолет, – снова вмешалась Ди. – Но Эмми настояла на том, что нужно позвонить в полицию, так что у нас было совсем мало времени.

– И, конечно, никакого пистолета вы не нашли.

– Нет, – ответила Эмми. – Я как раз была наверху, искала пистолет Ди, когда подъехала полиция.

– Пистолет Ди! – Сэнди рывком обернулся к Диане. – У тебя есть пистолет?

– Да, конечно. Он где-то наверху. Я не помню, куда его засунула.

Сэнди несколько секунд хмуро смотрел на нее, затем произнес:

– Полиция не нашла оружия. Никто пока не сказал мне, что это убийство, однако особая бригада уже работает. Было бы очень неплохо, Ди, если бы ты пошевелила мозгами и припомнила, где находится твой собственный пистолет.

– Да я понимаю! – крикнула Ди. – Я все понимаю! Но это не я! Сэнди, я не убивала его! О, Господи, если бы тут был Кларенс Бигэм!

– Я бы тоже этого хотел, – отрезал Сэнди. – По крайней мере, он привел бы тебя в чувство. – Он серьезно поглядел в глаза Диане. – Когда ты хочешь чего-то добиться, здравого смысла тебе не занимать. Мой тебе совет: воспользуйся им незамедлительно. Вас обеих будут допрашивать, это несомненно. Расскажи мне все, абсолютно все, что ты видела, или слышала – все, понимаешь?

Внезапно рыжая голова Сэнди обернулась к двери. Эмми тоже вслушалась. Ди встала и, шелестя шелком, подошла вплотную к двери. В холле явно происходило что-то новое. Эмми схватила Сэнди за руку и прошептала:

– Сэнди, ты ведь поможешь Ди?

Взгляд его серо-зеленых глаз стал пронизывающим:

– Ты думаешь, она не убивала Гида?

– Она не могла убить ни его, ни кого другого. Поверь мне, Сэнди.

Он глубоко вздохнул:

– Хорошо. Если ты сама в это веришь, я сделаю все, что в моих силах.

– А сели дело дойдет до суда? – одними губами прошептала Эмми.

Сэнди ответил не сразу:

– Если она не откажется от моих услуг. Посмотрим.

Диана не слышала ни слова из их разговора. Она распахнула дверь:

– Дуг! Я уже думала, ты никогда не придешь! Как это

ужасно, Дуг, милый! Пусть эти люди уйдут!

Дуглас Уорд вошел в кабинет, и Диана упала в его объятия. Ярко-синие глаза Дуга смотрели поверх ее головы на Эмми и Сэнди.

– Это они послали за тобой? – негромко спросил он у Сэнди.

Тот молча кивнул. Дуглас на несколько мгновений призадумался.

– И очень правильно сделали. Твоя идея, Ди?

Диана помотала головой, не отрывая ее от груди мужа.

Эмми произнесла:

– Это я позвала его. Полицейские сказали, мы имеем право пригласить адвоката. Нас будут допрашивать.

– Но не думают же они ... О, Господи ... они же не думают, что его убила Диана или ты?

– Я не знаю, что они думают, – измученным голосом говорила Эмми.

Дуг разомкнул объятия Дианы и ласково усадил ее в кресло у своего письменного стола, а сам облокотился о стол и перевел озабоченный взгляд с Эмми на Сэнди. Эмми подумала – в который раз! – что Дугу надо было быть не драматургом, а актером. Он был хорош собою, он грациозно двигался. Сейчас черные волосы его были взлохмачены, лицо бледно. Подготовка к премьере измотала его: с утра до вечера – репетиция, ночью – утомительные переписывания и исправления, днем – опять репетиция и так до бесконечности. Краси-

вое лицо осунулось, тонкие черты заострились. Дуг выглядел очень элегантно в грубом пуловере, надетом под твидовый пиджак. Если бы Сэнди натянул пиджак прямо на свитер, он выглядел бы так, словно собирается на футбол. А в каждом движении Дуга сквозило изящество. Эмми мечтала стать его женой; Дуг предпочел Ди; но ничто не могло помешать Эмми сочувствовать ему и жалеть его.

– А в четверг – премьеры, – неожиданно произнес Дуг.

– Одно другого не касается, – сухо парировал Сэнди. – Шоу должно продолжаться. Не так ли?

Эмми слышались в его голосе нотки сарказма. Она резко обернулась в его сторону – но лицо Сэнди было непроницаемо.

Ну ... – замялся Дуг, – видимо, так. Я не могу распустить труппу. Это их хлеб. Да и рабочих не выставишь на улицу. Конечно, шоу должно продолжаться.

– Вот так они всегда и говорят, – мягко усмехнулся Сэнди.

– Дуг, – быстро проговорила Эмми, – ты знал, что Гил собирался прийти сегодня?

Дуг вполоборота глянул на нее.

– Нет. Я вообще не знал, что здесь произошло.

– Главное, что это произошло! – выкрикнула Ди. – Я была у себя наверху, переодевалась, чтобы идти на собрание комитета – ну, ты знаешь, по поводу октябрьского благотворительного бала – и услышала какие-то звуки, а потом поняла, что это были выстрелы. Прямо здесь, в доме! Я выбежала на

лестницу и с середины ее заглянула в холл – и увидела его, Дуг! Гила. Он лежал на полу. И на груди было красное пятно. А потом пришла Эмми...

– Как Гил попал в дом? – отстраненным голосом спросил Сэнди.

Диана разгладила еще не просохший рукав:

– Эмми тоже спрашивала меня об этом. Я не знаю. Я его не впускала.

– А дверь была заперта? – спросил Сэнди.

– Ну да. Я всегда ее запираю. Все так делают.

– А у Гила не было ключа?

– Я не ... – Диана гневно вспыхнула. – Я никогда не давала ему ключа от этого дома, Сэнди! Запомни это!

Сэнди невозмутимо повернулся к Дугу:

– А ты, Дуг? Ты давал Гилу ключ от дома?

– Я? – изумился Дуг. – Нет, конечно! С какой стати?

– Когда ты пришла, – обратился Сэнди к Эмми, – дверь была заперта?

– Да. Ди открыла ее мне. – Эмми охватила тревога. – Но ... но ведь Ди или Дуг могли случайно забыть запереть дверь, и тогда Гил мог просто войти и ...

– ... и нарочно запереть за собой дверь на задвижку? – Сэнди скептически прищурился.

– Ну, не знаю! – торопливо сказала Эмми. – Мы не знаем, что произошло. Неважно, как Гил попал в дом!

– Но, может быть, важно, зачем он сюда пришел? – сказал

Сэнди.

Румянец на щеках Дианы вспыхнул еще ярче; они с Дугом были по-театральному красивой парой.

– Ты хочешь сказать, что он пришел увидеть меня? Может быть. Точней, он наверняка пришел ко мне. Но я не знала – не знала, что он собирался прийти.

– Когда ты видела его в последний раз? Я имею в виду, разговаривала с ним?

Лицо Ди стало совсем пунцовым:

– Видит Бог, Сэнди, ты ведешь себя, как полицейский!

– Они непременно зададут тебе этот вопрос, – пожал плечами Сэнди.

– Ну, я не знаю. Хотя нет, знаю. Он повел меня ужинать ... кажется, это было позавчера. Дуг как раз переписывал сцену. Он рад был от меня избавиться.

– Точно, – сказал Дуг. – Вы с Гилом щебетали так громко, что я чуть не свихнулся!

– А после этого ты еще разговаривала с ним? – Сэнди был неумолим.

– Я ... ну да! Он звонил мне. Вчера. Сказал, что обручился с Корриной Харрис. Это актриса, которая играет главную роль в пьесе Дуга.

– Не слишком ли внезапно? Мне казалось, Гил в некотором роде был предан тебе, Ди, – в тихом, бесцветном голосе Сэнди Эмми снова почудились язвительные нотки.

Ди издала нервный смешок и проглотила его, словно уди-

вившись сама себе.

– Да, – сказала она, – по крайней мере он выводил меня в свет и все такое. Но ... он рассказал, что какое-то время назад они с Корриной были обручены; потом что-то случилось, они расстались, а на репетиции у Дуга встретились вновь – и страсть вспыхнула с новой силой.

– О, Господи, – внезапно выдохнула Эмми, – я надеюсь, она не лежит без чувств в телефонной будке?

Ди уставилась на Эмми – и в следующей миг обе прыснули, как школьницы. Но хихиканье оборвалось почти мгновенно. Обе понимали, что это не смешно; все, что происходит более, чем печально. Эмми почувствовала, как каменеет ее лицо. Конечно, они с Дианой представили одну и ту же картинку: статная, величественная прима Коррина Харрис скрючилась без сознания в тесном пространстве телефонной будки. Эмми стало стыдно; она поняла, что и Диана испытывает то же – щеки ее снова залились краской.

– Реакция на нервное потрясение, – понимающе кивнул Сэнди. – Так что там случилось с Корриной?

– Я говорила с ней по телефону, – объяснила Эмми, – и сказала, что Гил убит. Тогда в трубке раздался какой-то грохот – и все.

– Да нет, с ней все в порядке, – сказал Дуг. – То есть, конечно, шок и все такое, но она в полном сознании. Это ведь она и сказала мне про Гида. Нашла меня в баре, в дальнем конце улицы. Я как раз переписывал заглавие второго акта,

будь он неладен. Так ничего путного и не придумал. – Он устало прижал ладони ко лбу.

– А ты видел сегодня Гила, Дуг? – спросил Сэнди.

– Нет, то есть видел, но мельком. Он забежал на репетицию около полудня и пригласил Коррину пообедать с ним. Но я ее не отпустил. Мы как раз работали над этой треклятой сценой.

– И что, он ушел?

– Не знаю ... нет, кажется, не ушел. Скорей, решил поторчать в зале. Он часто так делает. Похоже, у него сейчас мало работы, и он любит смотреть репетиции. Это ведь он делал декорации к пьесе. Между прочим, отличные декорации, хотя это его первая работа для театра. Но он хороший архитектор.

Дуг судорожно вдохнул, словно осознав, что он сказал, и исправился с помощью короткого страшного слова:

– Был хорошим архитектором! Сэнди, но это ужасно! Я не могу отменить премьеру, не могу...

– Ты помнишь, в котором часу Гил ушел? – перебил его Сэнди.

Дуг помотал головой:

– Нет. Около часа я послал за кофе и бутербродами, и мы продолжали работать. Наконец, я увидел, что актеры уже валятся с ног, и разрешил им отдохнуть. Я и сам чуть не падал от усталости. Вот и направился в тот дальний бар, надеясь, что там меня никто не найдет и не предложит новую репли-

ку, или что-то еще в этом роде. Актеры – такой народ, знаешь ли... Но Коррина, видимо, знала, куда я пошел; она разыскала меня и все рассказала. Может быть, она помнит, когда Гил ушел с репетиции? Впрочем, – он безнадежно махнул рукой, – она и роли-то как следует не помнит. Нельзя сказать, чтобы у нее была идеальная память. Хотя, справедливости ради, должен заметить, что я едва ли не каждый день даю им новые слова.

– Но ведь до премьеры всего два дня, – сказал Сэнди. – Не пора ли прекратить переписывать текст?

– Пьеса, – мрачно изрек Дуг, – не может считаться законченной, пока не сойдет со сцены.

Сэнди сказал:

– Может быть, Коррина сумеет объяснить нам, зачем и когда Гил пришел сюда, и как он ...

Раздался негромкий стук. Сэнди, стоявший ближе всех к двери, открыл ее. На пороге стоял грузный, приземистый человек в штатском. Он молча, исподлобья оглядел всех; затем протянул вперед руку:

– Вот ключ от вашего дома мистер Уорд, – сказал он. – Он был в кармане у мистера Сэнфорда. Вы давали ему ключ?

– Я?! Нет! Не может быть ...

Человек повернулся к Диане, безошибочно выбрав из двух женщин именно ее (вероятно, потому, что она в халате, мельком подумала Эмми):

– А вы давали ему ключи, миссис Уорд?

– Нет! – Лицо Дианы покрылось пунцовыми пятнами. –
Нет! Нет! Нет!

Мужчина переложил ключ из руки в руку и задумчиво покачал головой:

– Но это – ключ от вашего дома. Он подходит. Я проверял.

3

В гнетущей тишине прозвучал голос Сэнди:

– Значит, Гил сам вошел в дом. Миссис Уорд не впускала его.

– Вы уверены в этом, миссис Уорд? – учтиво осведомился мужчина.

– Еще бы! – выпалила Диана. – Я вообще не знала, что он в доме!

– Разве вы не ждали его?

– Нет! Говорю же вам – нет!

– Постой-ка, Ди, – Дуг выпрямился и принялся шарить по карманам. – Кажется, я все-таки давал ему ключ – несколько дней назад. Мне понадобились кое-какие бумаги, – они лежали здесь, на столе, – а Гил как раз был на репетиции и сказал, что мог бы их принести... а тебя, помнится, не было дома... Точно! Вспомнил! Я давал ему ключ.

– Могу ли я взглянуть на вашу связку ключей, мистер Уорд? – Вопрос был задан безукоризненно вежливо, но Дуг побледнел еще сильнее:

– Да... разумеется...

Ди рывком обернулась к Сэнди:

– Ты – наш адвокат. Мы что, обязаны отвечать на вопросы, не посоветовавшись с тобой?

Мужчина перевел взгляд на Сэнди:

– Добрый день, адвокат. Вас пригласили?

– Здравствуйте, Хейли. Да, конечно. Миссис Уорд вызвала меня – не так ли, Ди?

– Да, – угрюмо подтвердила Диана. – Я пригласила его. Я и мой муж. Мистер Путнэм – наш адвокат, и я не намерена отвечать ни на единый вопрос без его совета.

– Что ж, отлично, – любезно улыбнулся Хейли. В глазах его блеснуло лукавство: – Не сомневаюсь, Путнэм, вы блестяще справитесь с этой работой.

Он сжал ключ в кулаке и удалился, тщательно прикрыв за собой дверь.

– Ну так что же, Дуг? – произнес Сэнди. – Давай посмотрим на твою связку.

Дуг, поколебавшись, нехотя достал из кармана ключи:

– Да здесь мой ключ, здесь.

Сэнди взял у него из рук колечко с ключами, мельком взглянул на них и вернул владельцу.

– Понимаешь, – замялся Дуг, – не мог же я позволить им допрашивать Ди, да еще таким тоном, словно это она дала Гилу ключ от нашего дома!

– Д-да, – запнулся Сэнди, – конечно. Но все-таки лучше говорить правду.

– Но это и есть правда! – крикнула Ди. – Я не давала Гилу ключ! С чего бы, спрашивается, я стала это делать?!

– Мы знаем, что ты не делала этого, Ди, – с расстановкой произнес Дуг. – Но у полиции на этот счет есть сомнения.

– Что же будет, Сэнди?! – воскликнула Диана. – Что ты намерен делать? Ты знаком с этим человеком? Он называет тебя по фамилии...

– Это – Хейли, из Бюро по расследованию убийств. Хороший следователь. У меня не так уж много опыта в уголовных делах, но могу сказать наверняка: Хейли оперирует только вескими доказательствами.

Хейли снова постучал в дверь и аккуратно приоткрыл ее:

– Эта сумочка лежала в холле, на столе. Если не ошибаюсь, она принадлежит миссис Уорд. На ее связке, – проговорил Хейли очень тихо, – нет ключа от входной двери.

Он просунул сумочку в дверь; Сэнди взял ее, и дверь снова закрылась.

– Но я не давала Гилу ключ! – в отчаянии выкрикнула Диана.

Только теперь стало ясно, что она по-настоящему напугана.

– Я же говорила тебе, – бросилась она к Эмми, – я его не убивала! Я знаю, они думают, что это я. Но я сказала правду. Я не стреляла в Гила. И не давала ему ключ. У меня и в мыслях такого не было!

Повисла гнетущая пауза. Сэнди, отвернувшись, глядел в окно. Дуг нервно водил носком ботинка по ковру. Наконец, Эмми нарушила молчание:

– Она не убивала его, Сэнди, поверь мне. Не убивала.

Сэнди вздохнул:

– Что вы делали сегодня, девочки? Вы были вместе?

– Да, – ответила Эмми, – с самого утра. Мы ходили по магазинам, потом обедали, потом...

– По каким магазинам?

– Ну, по разным. Я заказала платье и осеннее пальто. Потом мы зашли в "Уинстон" – Ди хотела взглянуть на ожерелья...

– Ой! – почти взвизгнула Ди. – Бабушкины сапфиры! Они же все там, наверху! Я вчера забрала их из банковского сейфа! Пойду, принесу их. Боже, полный дом полиции...

Она метнулась к двери, но Сэнди крепко схватил ее за запястье:

– Успокойся, Ди. Уж кто-кто, а полицейские не украдут твои драгоценности, поверь.

– Но сапфиры безумно дорогие! И не все застрахованы – только те, что я часто ношу...

– Где она? – спросил Сэнди. – Я принесу – если ты, конечно, мне доверяешь.

– Понимаешь... – Диана выглядела слегка смущенной. – Сначала я хотела взять только сапфиры, а потом решила прихватить еще и бриллианты, чтобы решить, какое ожерелье заказать в "Уинстоне"...

– Где они? – строго спросил Дуг.

Ди потупилась:

– Под кроватью. В бумажном пакете.

– В бумажном... – Дуг потрясенно уставился на жену. –

Боже правый, Ди! Это же целое состояние!

– Ну вот, потому-то я решила: никому не придет в голову, что я положу драгоценности в пакет и засуну его под кровать...

– Да, действительно, такое могло прийти в голову только тебе, – вздохнул Дуг. – Сходи, пожалуйста, наверх, Сэнди. Принеси их сюда, если полиция тебе позволит. – Он снова с изумлением глянул на Диану. – Ведь сейф – прямо здесь, в кабинете. Почему же ты не положила их...

– Ну, не положила, и все! – огрызнулась Ди. – Сэнди, они в пакете от "Бонуита". Там еще нарисованы фиалочки.

– Понял. Фиалочки, – сдавленным голосом пробормотал Сэнди и вышел из кабинета.

Все снова замолчали. Как это похоже на Диану, думала Эмми: с одной стороны, она действительно уверена, что придумала очень остроумный способ хранения драгоценностей, но главное – ей просто лень открывать сейф; куда проще запихнуть под кровать бумажный пакет.

Дуг Дуг тяжело вздохнул, пересек комнату и сдвинул в сторону весьма странное живописное полотно, на котором красовалось нечто вроде свалки старых консервных банок. За картиной в стене оказался маленький сейф. Дуг набрал код.

– Я что, должна возиться с этой штуковиной всякий раз, когда хочу снять серьги? – сердито спросила Диана.

– Но хоть бриллианты-то ты могла убрать? – проворчал Дуг, открывая дверцу сейфа.

Сейф – неглубокий, но довольно вместительный – был битком набит бумагами.

– Сценарии, – сказал Дуг, вынимая несколько папок. – Сам не знаю, почему я их не выброшу. Никто никогда это не поставит, но я все думаю: вдруг придет на ум что-нибудь новенькое, или...

– Положи! Они еще пригодятся! Настанет день, когда им цены не будет! – Голубые глаза Дианы взволнованно заблестели. – Дуг! Эта история не повредит премьере! Наоборот, газеты растрезвонят об убийстве, и люди повалят в театр – хотя бы из любопытства! Будет аншлаг!

Дуг сунул папки обратно в сейф и с горечью произнес:

– Я бы вообще отказался от премьеры, если бы не труппа. Гил был настоящим другом – моим и твоим. Мне стыдно перед ним, что я не могу отменить премьеру, – но выхода нет. Представление состоится.

Эмми внезапно охватила нервная дрожь:

– Состоится... если одного из вас не арестуют по обвинению в убийстве! – выпалила она и тут же устыдилась своих слов.

Впрочем, ни Дуг, ни Диана не обратили на них ни малейшего внимания. Ди спросила:

– Как ты думаешь, вся эта история не выбьет Коррину из колеи? Должна тебе признаться, эта девица никогда не казалась мне особенно смышленной. Конечно, красавица, и умеет держаться на сцене. Но что касается ума...

– Да, мозги у нее птичьи, – устало кивнул Дуг. – Но Коррина умеет себя подать. В ней есть то, что нравится публике. И она уверена в себе, это хорошо. Хотя, если бы она как следует учила роль, было бы еще лучше.

– В четверг... – задумчиво произнесла Диана. – Как ты думаешь, тебе придется вносить изменения в текст?

– Откуда же мне знать? Иногда кажется, что все хорошо, а через мгновение чувствуешь – не то, не так!

– Это просто тебя лихорадит перед премьерой, – сказала Диана.

Эмми, все еще чувствуя себя виноватой, подхватила:

– Ты слишком много репетировал, Дуг, потому уже не способен объективно оценить результат. Скорей всего, все гораздо лучше, чем тебе кажется.

Дуг вздохнул:

– Это станет ясно после премьеры. Или после первых критических статей. Ну надо же было этому случиться именно сейчас... Бедный старина Гил...

Вот именно, подумала Эмми. Бедный старина Гил...

Дверь открылась, и появился Сэнди. В руках его был бумажный пакет, разрисованный фиалками:

– Этот?

– О, да.

Диана подошла к сейфу, сунула туда пакет и закрыла дверцу. Дуг набрал код и приладил на место картину. Сэнди бросил на нее хмурый взгляд:

– Это что, искусство?

– По-моему, да, – ответил Дуг. – Что они там делают?

– Готовятся выслушивать ваши показания.

Диана ахнула. Дуг в отчаянии запустил пальцы в свою густую шевелюру.

– Идем, Эмми, – сказал Сэнди. – Они начнут с тебя, а потом ты отправишься домой. Я договорился с Хейли.

Он положил руку на плечо Эмми и вывел ее из комнаты. Диана проводила сестру растерянным взглядом. Дуг опустился в кресло и забормотал:

– Боже, как я это вынесу... Я не могу... Что же делать...

Сэнди плотно прикрыл за собой дверь.

Лейтенант Хейли шагнул им навстречу. За его широкими плечами Эмми увидела нескольких человек в форме. Тела под лестницей уже не было.

Разговор оказался кратким. Хейли тщательно выспросил, не видела ли она, чтобы кто-то выходил из дому, и не слышала ли каких-либо звуков. Затем Сэнди проводил Эмми во двор. На крыльце их окружили репортеры, засверкали фото вспышки.

– Не обращай внимания, – сказал Сэнди. – Это их работа. Сейчас я посажу тебя в такси, а сам вернусь к Ди и Дугу. Кстати, пока ты отвечала на вопросы, появился доктор. Он жутко перепугался, когда узнал, что случилось. А Диана, едва увидела его, тут же стала слабенькой и беспомощной. – Внезапно голос Сэнди стал очень серьезным: – Эмми, ты не

испугалась, когда увидела Ги́ла?

– Я была потрясена... и Ди плакала...

– Я хотел спросить: неужели ни тебе, ни ей не пришло в голову, что убийца может находиться в доме?

– Нет, Сэнди. Честно, нет. Только когда полицейский велел мне по телефону никого не выпускать из дому, до меня дошло... Понимаешь, мы были в каком-то оцепенении... Потом мы начали искать пистолет, потом приехала полиция.

– Да, понимаю. И все же, Эмми, раз убийство произошло за считанные минуты до твоего прихода, то... если, конечно, это не Диана...

– Это не Диана! – выкрикнула Эмми.

– ...то должен же был убийца как-то выбраться из дому. Диана говорит, что обнаружила труп совсем незадолго до того, как ты позвонила в дверь. Она сначала даже боялась открывать. Значит, убийца покинул дом прямо перед твоим приходом.

Эмми судорожно сглотнула:

– Я никого не видела. Я не боялась...

– Конечно, пока ты стояла под дверью, тебе еще нечего было бояться. Возможно, он выбрался через кухонную дверь; но тогда, чтобы оказаться на улице, ему нужно было непременно пройти мимо парадной двери, где ты стояла.

Эмми задумалась, припоминая.

– Нет, Сэнди, там никого не было. Я помню, что оглядывала изгородь и еще подумала: как все красиво, как ухожен-

но... Нет, я никого не видела.

– Ну ладно. Это хорошо.

– Хорошо?

– Было бы не слишком приятно, если бы ты могла кого-то опознать.

– Но разве это не принесло бы пользу?

– Полиции – конечно. Но не тебе. Я не хочу, чтобы ты...

Ну ладно. Вот и такси...

Сэнди поднял руку, но Эмми остановила его:

– Я пройдушь пешком, – сказала она.

Он помедлил, оглядывая улицу: солнце уже не отражалось в стеклах домов, но сумерки еще не начались...

– Хорошо, – сказал он наконец. – Я буду держать тебя в курсе событий. А пока постарайся не думать об этом.

Сэнди легонько погладил ее по руке и быстрыми шагами направился к дому.

Эмми была несказанно рада свежему воздуху и избавлению от кошмара последних часов. Подумать только, совсем недавно она шла по этой улице, поднималась по знакомым ступенькам, не ведая, что ожидает ее там, за дверью...

Она вспомнила разговор с лейтенантом Хейли. Она отвечала ему просто и правдиво. Но беседа была краткой, и в ней не прозвучали те вопросы, которые, как ей представлялось, обычно задает полиция. Это был всего лишь предварительный допрос, поняла она, и по спине пробежал неприятный холодок.

Конечно, будут еще беседы. Но она уже поведала Хейли все, что знала. Все – кроме одной маленькой, незначительной детали, которая не имела отношения к убийству и была легко объяснима. Эмми имела в виду истеричный вопль, которым встретила ее Диана: "Это не я!"

Эмми прекрасно понимала, чем это было вызвано: кто угодно потерял бы голову, обнаружив в своем доме убитого человека, – тем более взбалмошная и непосредственная Диана. Но из страха за сестру она умолчала об этом эпизоде; ведь полиция могла истолковать выкрик Ди совсем иначе.

Эмми остановилась у светофора. Был час пик; машины с грохотом мчались мим, унося людей из делового центра Нью-Йорка. Она с печалью подумала о том, что все эти люди спешат домой, в нормальную жизнь, к привычным вечерним хлопотам, и никто из них, наверное, не знает, как страшно внезапное столкновение со смертью... с убийством...

Ей отчаянно хотелось, чтобы полиция нашла пистолет – и чтобы это не был пистолет Ди... Зажегся зеленый свет, и вместе с другими пешеходами Эмми пересекла Лексингтон-Авеню. Дойдя до Парк-Авеню, она снова остановилась на середине улицы, на островке, мимо которого сновала автомобили, – и только тут осознала, что сквозь шум и рев моторов она уже давно, едва ли не с того момента, как вышла на улицу из дома сестры, слышит чьи-то размеренные шаги. Эмми резко обернулась, но увидела только двоих: пожилую женщину, которая нервно смотрела на поток машин, бара-

баня по сумочке пальцами в белых перчатках, да мужчину – просто мужчину, без каких-либо приметных черт – довольно молодого, невысокого, в сером костюме, серой шляпе и очках. Он совсем не смотрел на нее. Это всего лишь игра воображения, сказала себе Эмми. Светофор мигнул, и женщина в белых перчатках бегом устремилась на противоположную сторону улицы. Эмми подавила в себе нелепое желание побежать следом, и спокойно перешла дорогу. Серый, неприметный мужчина двигался по пятам. Вслед за ней он пересек Мэдисон-Авеню и дошел до Пятой. Но когда Эмми остановилась у своего парадного, человечек прошагал дальше – мимо дверей, мимо швейцара, который в этот момент помогал кому-то выбраться из такси.

Эмми прошла по вестибюлю, мимо огромных сверкающих зеркал и покрытых красным плюшем скамей, к лифту и поздоровалась со стариком Тимом, который работал в этом доме – то на одной, то на другой должности – ровно столько, сколько она себя помнила. Когда лифт доехал до девятого этажа, Тим сообщил Эмми, что мистер Эннсли тоже только что вернулся домой, а затем спросил, где она желает выйти – на девятом этаже или на десятом.

Эмми сказала, что на девятом, поблагодарила и достала из сумочки ключ. Она и ее отчим занимали просторные апартаменты в двух уровнях: на десятом этаже, по обе стороны от огромного холла, служившего салоном, находились спальни; ну, а Джастина Эннсли – отчима Эмми – легче всего было

застать на девятом этаже, где, в числе прочего, располагались столовая и бар.

Эмми отперла дверь и вошла в длинный холл, из которого вела лестница на верхний этаж. Она положила сумочку на стол и мельком подумала, как это она вообще не забыла ее взять; затем вспомнила: это Сэнди вручил ей сумочку, взяв ее со стола в холле Ди; а на полу у стола мелом было очерчено место, где прежде лежал Гил... Снимая перчатки, Эмми снова осознала, что не помнит, как надевала их...

Из большой гостиной, расположенной в конце холла, доносился легкий запах сигаретного дыма.

Квартира – огромная и очень красивая – располагалась в одном из первых кооперативных домов в Нью-Йорке, построенном в то время, когда в моде были высокие потолки, большие комнаты, мраморные камины, роскошный паркет... Отец Эмми купил эту квартиру, когда дочери были еще совсем малышками; он никогда не любил старый дом Ван Сейдемов на 63-ей-стрит, однако не продал его, а сдал в аренду – как считала Эмми, весьма удачно. Свою недвижимость он по завещанию разделил на три равные части – жене и дочкам. Мать Эмми была вольна поступать как угодно со своей долей, включавшей дом и квартиру; после ее смерти квартира досталась Эмми, дом – Диане. Мать не забыла и о своем втором муже, Джастине: по завещанию ему достался трастовый капитал, который когда-то приносил более чем приличный доход; но это было давно. Кроме того, было оговорено,

что Джастин, если пожелает, может жить в этой квартире до конца своих дней. Именно этого он и пожелал. Эмми содержала дом, расходы на который все росли, но Джастина это вовсе не заботило. Напротив, он делался несчастным всякий раз, когда Эмми намекала, что неплохо бы им перебраться в квартиру поскромней, где не требовалась бы помощь прислуги; ведь это так странно – иметь прислугу в наши дни...

Так или иначе, эта квартира была для Эмми родным домом. Каждый раз, когда она поворачивала начищенную до блеска медную дверную ручку и попадала в просторные, красивые апартаменты, где так легко дышалось, ее охватывало ощущение покоя и уюта. Она давно уже перестала огорчаться, если по какой-то причине не приходила уборщица, или старуха Агнес, их домохозяйка, уезжала к племяннице в Нью-Джерси. Эмми научилась управляться со старомодной кухонной утварью, махнула рукой на то, что столовое серебро блестит не так, как в ее детстве, и давно привыкла к неудобствам огромной кладовки. Она завела себе кое-какие современные приборы, электроплиту, вентиляторы и кондиционеры. Но все же квартира носила на себе отпечаток личности и стиля жизни матери и, до некоторой степени, отца.

Эмми вздохнула, бросив взгляд на длинную лестницу, и в который раз лениво подумала, что неплохо было бы установить лифт – если не для себя, так хоть для Джастина, который, несмотря на бодрый вид, отнюдь не становился моложе. Она медленно побрела по коридору, осознавая, что спе-

циально оттягивает момент, когда придется рассказать Джастину о случившемся...

У двери в столовую она помедлила, прислушалась, втянула носом воздух – и через столовую и кладовую направилась в кухню. Там не было ни души и ни малейших признаков ужина. Значит, Агнес в очередной раз укатила к племяннице. Эмми понадеялась, что хотя бы уборщица приходила днем.

Она открыла морозильник, вынула бифштекс и положила на стол, чтобы оттаял. Ведерко со льдом куда-то запропастилось. Ясно, куда – оно наверняка в компании Джастина и графинчика с виски. Эмми возвратилась в столовую, но на этот раз свернула в широкий дверной проем, ведущий в гостиную. Запах дыма стал ощутимей. Она увидела затылок отчима – волосы его, как ни прискорбно, начинали редеть... Джастин сидел спиной к ней, откинув голову на спинку кресла, и глядел в окно, на молодую зелень парковых деревьев...

Джастин услышал, как она вошла, и, не оборачиваясь, произнес:

– Уже поздно, Эмми. Я заждался тебя. Вот и решил, что самое время пропустить рюмочку-другую...

– Прекрасно. Лед у тебя?

Эмми глянула на нестройный ряд бутылок и бокалов – они, как и ведерко со льдом, красовались по правую руку от Джастина на подносе, на изысканном французском столике. Она обреченно подумал, что все в доме, даже мебель, ука-

зывает на пристрастие отчима к "алкогольной диете", как он сам беспечно это называл.

– Да, где же еще?

Джастин приподнялся в кресле, оглянулся – и брови его поползли вверх:

– Эмми! Что стряслось?

Эмми села рядом с отчимом. У нее не было причин скрывать от него свои чувства.

– Гила Сэнфорда застрелили, – без обиняков сказала она. – Сегодня днем. В доме Дианы. Они – то есть, полиция – считают, что это убийство.

Джастин подпрыгнул в кресле:

– Что ты сказала?!

– Гил Сэнфорд убит. Из пистолета. В доме Дианы.

– Гил... – Он вскочил на ноги. – Откуда ты знаешь?

– Я была там, – измученно проговорила Эмми. – Я пришла к ней сразу же после того, как это случилось.

– Господи! – Джастин запустил пальцы в редящие волосы. – Господи Боже... – Он рывком повернулся, плеснул в рюмку виски и протянул ей: – На, выпей!

Это было очень похоже на Джастина. Эмми покорно пригубила. Следующая фраза тоже была вполне в его духе:

– Да, Диана порой бывает крута!

– Ох, Джастин, она не убивала его! Наша Ди! Сам подумай, что ты говоришь!

Эмми и Диана по давней просьбе отчима называли его не

"отец", а просто "Джастин". Тогда девочкам было двенадцать и четырнадцать лет; не успел он оглянуться, как им стало восемнадцать и двадцать, а он, Джастин, всегда искренне гордился своей молодостью. Сейчас он, конечно, сдал, хотя был по-прежнему строен и двигался легко и грациозно: сидящая голова слегка откинута назад, плечи прямые, походка по-юному безмятежна. Джастин всегда был красив особой, изысканной красотой: серо-голубые глаза; костюмы от лучших портных; сшитая на заказ обувь, удобно облегающая совсем небольшие, изящные ступни; гвоздика в петлице, как вызов безжалостному возрасту; маленькие холеные руки с блестящими розовыми ногтями. Тонко очерченное лицо казалось (особенно издали) совсем молодым благодаря здоровому румянцу и вечно довольной улыбке.

Сейчас краска отхлынула от его щек, черты лица словно заострились, глаза потемнели. Джастин снова опустился в кресло, теребя дрожащей рукой маленькие ухоженные усики (которые он каждое утро аккуратно подкрашивал особой краской).

– Как ты там оказалась? Расскажи!

Эмми снова отхлебнула виски и принялась рассказывать. Джастин непрестанно теребил усики, мял в руках гвоздику, перекидывал одну ногу на другую – но при этом внимательно слушал. Когда Эмми закончила, он произнес:

– Они рылись в ее письмах?

– Не знаю. Какое это имеет значение? Она не получала

любовных писем от Гила.

– У нее есть письмо от меня.

– От тебя?!

– А что? Она, между, прочим, моя падчерица; и у нее, между прочим, водятся деньжата!

– Ты хочешь сказать, что просил у Дианы денег? – Эмми ушам своим не верила.

– Почему бы и нет? Но она отказала. И это низко с ее стороны. Ты же знаешь, какая она скупердяйка. Ну, тут я и... – Джастин скривился, подергал себя за усы и произнес: – ... тут я и написал ей гневное письмо.

– Джастин! Но у тебя же уйма денег!

Джастин скомкал гвоздику и швырнул ее в корзину для бумаг, но промахнулся. Он на миг нахмурился; затем на лице его появилась ухмылка:

– В конце концов, какая разница, что я ей писал? Убита-то не Диана, а Гил Сэнфорд!

4

Эмми залпом осушила рюмку, поперхнулась и закашлялась. Джастин вскочил и извлек из кармана тонкий надушенный платок с монограммой:

– Возьми, моя радость. Успокойся, говорю тебе. Все в порядке.

– Что ты ей написал?!

– О Боже, – Джастин опять погрузился в кресло. – Не помню я, что я там написал. Но я не стал бы ее убивать; тем более, повторяю, убита не она, а Гил.

Эмми почувствовала, что голова у нее идет кругом:

– Диана мне и словом не обмолвилась! Джастин, но почему, ради всего святого, ты просил у нее денег?!

– Всего лишь в долг. – Джастину явно было не по себе; он упорно избегал взгляда Эмми. – Видишь ли... я попал в переплет... ну, и попросил Диану одолжить мне некую сумму...

– Но почему ты не попросил меня?!

Джастин был похож на ребенка, который напроказил и горько раскаивается:

– Ну... – Она чувствовала, как он лихорадочно пытается выкрутиться. – Потому что... видишь ли... ты и так много мне даешь ... Дом... еда... одежда... почти все... Я не мог больше просить у тебя, Эмми.

– Но послушай, Джастин. Зачем тебе деньги?! Ты же мог сказать мне...

– Нет, я не мог. Я... дело в том, что... Я... Черт побери, Эмми, не может же человек изо дня в день играть в бридж и никогда не проигрывать!

Он по-прежнему не смотрел ей в глаза.

В мозгу у Эмми мелькнула дикая догадка: Джастин впутался в историю с какой-то женщиной! Он всегда ощущал себя в некотором роде Лотарио. Ухаживая за ее матерью, он был добр, заботлив и неотразимо очарователен – но как-то беспомощен. А мать, если и не была страстно влюблена в него, то с радостью согласилась стать его женой – и, насколько Эмми было известно, ни разу об этом не пожалела.

Да, Джастин вполне мог выкинуть штуку, совсем не подходящую его возрасту. Эмми чуть было не спросила: "Что за женщина?", но вместо этого произнесла:

– Что еще?

– Ну, ты догадываешься: не только бридж. С бриджем я бы как-нибудь разобрался. Но, видишь ли, я ... я увлекся скачками. Должен же мужчина иметь какое-то занятие. Я не могу все время брать у тебя деньги. Диана, между прочим, тоже моя падчерица. Я не понимаю, почему ты одна должна платить за все?

– У Ди большой дом и большие расходы.

– Да брось ты; лучше скажи, что у нее зимой снега не выпросишь. Зато, если ей чего-то захочется, тут уж деньги ле-

тят направо и налево.

И Эмми, и Диана считали завещание матери вполне справедливым. До замужества Диана, конечно, тоже жила в этой квартире, а потом перебралась на 63-ю-стрит. Она никогда особо не ладила с отчимом, но он был добр к ним обеим, хотя, конечно, и беспечен, как стрекоза.

Эмми вздохнула:

– Сколько ты задолжал, Джастин? И где?

– Я, видишь ли, занял денег у ростовщика...

– Джастин! Не в банке?!

– Нет ... и теперь он насчитал мне большие проценты. И я...

– Сколько?

– Процентом? Больше, чем в банке...

– Нет, я спрашиваю: какую сумму ты занял?

– Ну, в общем... мой долг вырос... то есть мне не везло, и ...

– Сколько?

Джастин надулся:

– Что ты, что Ди. Можно подумать, вы отчитываетесь за каждый потраченный пенни!

– Меня так воспитали. И Ди тоже. Это – чувство ответственности.

– Не хотел бы я иметь такое чувство ответственности. Я помню тебя ребенком, Эмми. Однажды ты мне заявила совершенно серьезно... я всего-навсего после кино предложил

купить тебе мороженого, – а ты сказала, что скоро обед, и поэтому ничего покупать не надо. Посмотрела мне прямо в глаза и выдала: "Если деньги потрачены, они потрачены навсегда". – Джастин передернул плечами: – Меня до сих пор в дрожь бросает, когда я вспоминаю, каким тоном ты это произнесла!

– Я, наверное, была жутким ребенком, – задумчиво сказала Эмми.

– Ну уж нет, – рассудительно возразил Джастин. – Если вдуматься, ты была очень мила, так что не беспокойся. Конечно, большей частью вы с Дианой были в школе...

Эмми заставила себя вернуться к прежней теме. Джастин, как никто, умел переводить беседу в другое русло, если предмет ее был ему неприятен.

– Сколько ты должен?

Джастин покрутил ус и покосился на нее:

– Тысяч десять...

– Сколько, я спрашиваю?

– Ну... в общем и целом... около сорока тысяч.

– Сорок тысяч?! – Эмми подскочила, как ужаленная. – Джастин, но это же бешеные деньги!

Он поморщился, точно от боли, и потупил взгляд:

– Знаю...

– Но, Джастин, выписать чек на такую сумму просто невозможно. Ты должен... – Что он должен, растерянно спросила себя Эмми. – Я не знаю, что делать...

– Пусть Ди тебе поможет.

– И все эти деньги ты проиграл на скачках?

Он опять скривился:

– Ну не может же человек все время выигрывать.

– Не помню, чтобы ты хоть раз выиграл.

– Дело в том, – сказал Джастин, – что тот человек... ну, мой кредитор...

– Ростовщик, – холодно подсказала Эмми.

– ... хочет получить свои деньги обратно. И у него есть на то резон. Вот я и написал Ди.

– А чем ты поручился, что вернешь долг?

– Поручился? О, он не требовал особых гарантий. Во-первых, у меня все-таки имеются какие-то средства. То есть, конечно, я не могу трогать основной капитал, но он же есть. Ну, а во-вторых, всем известно, что вы с Дианой – мои падчерицы. Я полагаю, он рассуждал так: вряд ли вы захотите, чтобы со мной что-то случилось.

– Что, например? – резко спросила Эмми.

– Говорят, ростовщики весьма неучтиво обращаются с теми, кто не возвращает долгов. – Джастин помрачнел. – Не скажу, чтобы мне хотелось закончить свои дни на дне Ист-Ривер с камнем на шее...

– Мы должны отдать этот долг. На моем счету никогда не было подобной суммы. Придется что-нибудь продать. Рынок сейчас в упадке. Я буду продавать себе в убыток.

Эмми намеренно старалась сыпать Джастину соль на раны

– но ран, похоже, не было вовсе. Джастин, напротив, просил:

– Но это тебе даже на руку, правда? В смысле налогов...

Эмми – далеко не в первый раз за свою жизнь – с трудом преодолела искушение закатить отчиму оплеуху.

– Ладно. Я подумаю, что можно сделать.

Лицо Джастина просветлело еще больше:

– Ты и впрямь хорошая девочка, – радостно произнес он. – Сказать по правде, в последнее время я чувствовал себя слегка не в своей тарелке. Знаешь, мне не то чтобы угрожают; просто звонят по телефону и говорят, что лучше бы я заплатил. Так что я написал Ди, и... – Глаза его расширились. – Слушай... а вдруг это ростовщик убил Диану? Ох, нет, это же Ги́ла убили, а не Ди!.. Я никогда не был в восторге от Ги́ла, ты знаешь. Но все равно, это ужасно. Кто его все-таки застрелил?

– Я же сказала тебе: не знаю.

– А он не мог сам застрелиться? – с надеждой предположил Джастин.

– Без пистолета – вряд ли, – отрезала Эмми и встала. – Где Агнес?

Ей снова показалось, что Джастин уклончиво отвел глаза, но ответил он достаточно быстро:

– Она ушла еще в полдень, сразу после того, как ты отправилась за покупками. Сказала, что ей зачем-то нужно в бюро по найму, а потом она едет к племяннице. Просила пе-

редать тебе, что вернется через пару дней. По-моему, сегодня приходила уборщица. Моя домашняя куртка была черт знает где.

– Кстати, – сказала Эмми, – можешь снять свой роскошный бархатный сюртук и помочь мне с ужином.

– Хорошо, – покладисто ответил Джастин. – С удовольствием. Вот только выпью еще рюмочку. Да, прискорбные новости. Убийство. В доме Дианы. Кошмар, да и только! Ты иди, Эмми, а я подойду через пару минут. Кстати, Агнес сказала, в холодильнике что-то есть.

Эмми сбросила пиджак, допила последний глоток, еще раз мечтательно подумала о том, как хорошо было бы наградить отчима звонкой пощечиной, и двинулась в кухню. Оказалось, что Агнес оставила начищенный картофель и спаржу.

Эмми уже заканчивала делать приправу для спаржи, сбивая масло с лимонным соком, когда Джастин, уже без бархатной куртки, появился в кухне и доложил, что готов помогать. Эмми не без злорадства указала подбородком на большой передник Агнес, висевший на двери в кладовку, и велела Джастину облачиться в него, поскольку ему придется иметь дело с бифштексом. Джастин безропотно повиновался и даже заикнулся о грибном соусе. В конце концов Эмми, конечно же, готовила бифштекс сама – и пережарила его. Джастин и тут смолчал, только достал из буфета красного дерева самые острые ножи и резал мясо с преувеличенной

торжественностью.

К тому моменту, как они перебрались в гостиную и приступили к кофе, Джастин уже вполне стал самим собой и гораздо оживленнее, чем хотелось бы Эмми, выспрашивал у нее подробности убийства. Но когда она резко сказала, что желала бы поскорей забыть эту историю, отчим внезапно посерьезнел:

– Ты никогда не забудешь ее, Эмми. Это – на всю жизнь...

В этот миг раздался звонок в дверь. Это был Сэнди. Бледный, усталый, он прошел мимо открывшей ему Эмми прямо в гостиную, опустился на диван и попросил кофе. Эмми поспешила в кладовку за чашкой.

– Ну, что? – живо спросил Джастин. – Что они там делают? Кого-нибудь уже арестовали?

– Нет, – ответил Сэнди.

Эмми вернулась и быстро налила ему кофе.

– Ты ужинал?

Сэнди посмотрел на нее, точно сквозь:

– Не помню. Кажется, нет... Забыл.

– Есть холодный бифштекс, мой мальчик, – сказал Джастин. – Можем сделать тебе сэндвич. Еще сыр... Принесешь, Эмми?

– Принеси сам, – распорядилась она и села рядом с Сэнди. – Рассказывай...

Джастин, поколебавшись, махнул рукой и двинулся на кухню, всем своим видом выражая негодование. В серо-зе-

ленных глазах Сэнди заплясали смешинки:

– Что у вас тут стряслось? Поссорились?

– Нет. То есть да. Он связался с ростовщиком.

Сэнди нахмурился:

– Джастин? Это худо.

– Ничего, я постараюсь все уладить. Оказывается, ростовщик ему угрожает. А он не хотел мне ничего рассказывать. Он попросил у Дианы денег взаймы, и... Ох, Сэнди, ты не знаешь, полиция делала обыск в ее столе? Дело в том, что Диана отказала Джастину, и он написал ей, по его словам, "гневное письмо".

– Но убили-то не Диану, правда? – сказал Сэнди, точь-в-точь как Джастин. – Не знаю, как там насчет стола и писем, но... они нашли пистолет.

– Сэнди! Где?

– Тебе будет неприятно это услышать. В кухне, в холодильнике.

– Пистолет Ди!

– Вне сомнения. Зарегистрирован на ее имя. Вероятно, там ее отпечатки пальцев. Они проверят. Главное в том, что полиция склонна считать: только женщина способна сунуть пистолет в холодильник, вместе с морковкой и прочей чущью... и, боюсь, они решат, что эта женщина – не кто иная как Ди... Эмми, ты ведь не прикасалась к пистолету?

– Нет! Я же тебе говорила. Мы не нашли его. Искали, искали... а потом приехала полиция.

Сэнди вздохнул:

– Ладно. Но там было всего две женщины – Диана и ты. По крайней мере, насколько известно полиции. И, конечно же, тот факт, что пистолет найден среди салата и морковки, еще не доказывает, что его положила туда именно женщина... А это правда, что Гил повсюду появлялся с Дианой?

– Да, но только потому, что Дуг был слишком занят – репетиции, поездки, все такое – и не мог ее никуда водить. Но, если честно, Сэнди, – Диана была равнодушна к Гилу. К тому же, он был помолвлен с Корриной Харрис. Ди не была влюблена в него. Поверь. Господи, Сэнди, ну не думаешь же ты, что она убила его в приступе ревности и тому подобную чушь?

Сэнди выпрямился и уперся локтями в колени:

– Ди хочет, чтобы приехал старик Бигэм. И я тоже этого хочу.

– А он берется за уголовные дела? – Эмми замерла, пораженная собственными словами. – Сэнди... но они же не могут обвинить Ди в убийстве?

– Могут, – спокойно ответил Сэнди, – если соберут достаточно улик. Причем веских; иначе Хейли не передаст дела в суд.

– Сэнди, ты обещал мне: если ее обвинят, ты будешь вести дело.

Он задумался:

– В моей практике были уголовные дела, правда, мелкие.

Мне давали их вести, потому что я моложе всех в фирме и не имею права отказаться. Вообще, мы крайне редко беремся за уголовные дела, однако иногда приходится. Но Ди может и отказаться от моих услуг... Ладно, зачем искать брод, не дойдя до реки. А вот и сэндвич.

Действительно, подоспел сэндвич, кривой и громоздкий. Принесший его Джастин выглядел удрученно.

– Тебе надо выпить, мой мальчик, – он направился к столу с напитками. – Виски? С содовой или с водой?

– С содовой. Спасибо.

Джастин налил ему виски, критически осмотрел свой кулинарный шедевр и произнес:

– Ну? Расскажи нам.

Сэнди отхлебнул, откусил огромный кусок и с набитым ртом ответил:

– Пока нечего.

– Гм-м, – Джастин сел и эффектно закинул ногу на ногу. – Я бы не удивился, если бы оказалось, что это – дело рук Дианы. Весьма крутая особа.

– Боже правый! – Сэнди поперхнулся. – Что вы говорите? Она же ваша падчерица!

– О да. Но она вся в своего отца. Внешностью, конечно, в мать, зато характером... Я знал его немного. – Джастин деланно вздрогнул. – Жесткий был человек. Эмми тоже порою бывает крута, но на самом деле она больше похожа на мать. Когда я признался ей, что – то есть вынужден был при-

знать, – что мой кредитор мне угрожает, она сразу сказала, что выручит меня. – Джастин перевел взгляд бледно-голубых глаз на Эмми, затем снова на Сэнди. – Нельзя сказать, чтобы она пришла в восторг от этой новости. Не мудрено. Я понимаю. Но она пообещала помочь. А Диана отказала наотрез. Заявила, что ей наплевать, что со мной случится, и что это послужит мне уроком. Вся в папашу. Говорю вам: в жилах у него текла не кровь, а ледяная водица!

Может, внезапно подумала Эмми, потому ее мать и вышла за Джастина? Она почти не помнила отца, зато отлично помнила нежность и привязанность матери ко второму мужу.

Джастин вздохнул:

– Да, я не удивился бы, если бы Ди попросту схватила пистолет и пальнула в этого Гида Сэнфорда. Подозреваю, он этого заслуживал. Слишком много женщин...

– Слишком много? – уставился на него Сэнди. – Но откуда вы знаете?

Джастин беспечно пожал плечами:

– У него это было на лице написано. Помяни мое слово, мальчик мой, здесь замешена особа прекрасного пола. А то и не одна, – добавил он мрачно.

Сэнди глубоко вздохнул и снова взялся за сэндвич:

– Но стреляла-то в него только одна особа, и нужно еще доказать, что это была женщина.

– А тут и доказывать нечего. Вот увидишь. – Джастин помолчал несколько мгновений, затем спросил: – Что они там

делают? Я имею в виду полицию.

– Обыскивают дом. У них уже есть ордер на обыск. Ищут улики. Допрашивают Ди и Дуга. Те говорят, что ничего не знают.

– Полиция нашла пистолет, – сказала Джастину Эмми.

Он едва не подпрыгнул:

– Пистолет, из которого убили Ги́ла? Постой-ка, это ведь оказался пистолет Ди, верно?

– Да, – с набитым ртом подтвердил Сэнди, – но это еще не значит, что стреляла именно Ди.

– А где был пистолет?

Сэнди вкратце рассказал. Джастин взъерошил свои редкие волосы:

– Ну, что я тебе говорил? Только женщина могла выбрать такое место.

– "Могла" – не значит "выбрала", – сказала Эмми. – Джастин, ты не должен так говорить о Ди. Кто-нибудь может услышать и подумать, что ты серьезно.

– А я серьезно, – парировал Джастин. – Еще виски, Сэнди?

– Нет, спасибо. Кажется, я начинаю приходить в себя.

– Тогда кофе? – Джастин встал, проворно подскочил к кофейному подносу и налил кофе. – С сахаром? Нет? А зря. Это придало бы тебе энергии. Ну, как знаешь, – снисходительно добавил он.

Эмми спросила:

– Сэнди, а что они делают? Я имею в виду Ди и Дуга.

– Когда я уходил, – сухо сказал Сэнди, – Ди как раз пыталась оторвать Дуга от телефона, чтобы заказать ужин на дом. Дуг обзванивал актеров и каждому говорил, что это трагическое событие, разумеется, никак не должно отразиться на премьере. Это его слова.

– Но в них есть резон, – заметила Эмми. – Он в ответе перед актерами. Спектакль – их хлеб.

– Кроме того, это первая постановка Дуга на Бродвее. – Сэнди вздохнул. – Кажется, я так и не смог вбить ему в голову, что свершилось убийство. Он... понимаешь, он ведет себя так, словно все это происходит на сцене.

– Это естественно для Дуга. Он живет в театральном мире, а не в реальном.

– Это уж точно. Мне пора домой, Эмми. Я зашел только рассказать тебе, что случилось после твоего ухода. И еще... может быть, это звучит глупо, но я думаю, что лучше бы тебе в ближайшие дни поменьше выходить из дому.

– С какой стати?! Почему?

– Во-первых, ты – важный свидетель. Есть старое правило: беречь свидетеля!

Эмми остолбенело глядела на него.

– Сэнди! – воскликнула она наконец. – Но я же ничего не знаю об убийце! Я не видела, как он выходил из дому! Я не опасна ему – и никому другому.

– Давай считать, что это так. Но погоди, что с тобой?

– Просто... нет, это глупо...

– Что глупо?

– Понимаешь, пока я шла домой, я не могла отделаться от ощущения, что за мной следят. Буквально идут по пятам.

Серо-зеленые глаза Сэнди сузились, взгляд их стал пронизывающим:

– Ты видела кого-нибудь?

– Ну, я заметила одного мужчину – он стоял рядом со мной на переходе, в середине Парк-Авеню. А потом, когда я дошла до дому, вроде бы он же прошагал мимо швейцара и направился дальше. Но, наверное, мне все это померещилось.

– Как он выглядел?

– Совсем неприметный. Тщедушный, среднего роста... даже ниже среднего. Серый костюм, серая шляпа. Большие очки... такие, знаешь, как глаза у совы... Но, Сэнди, скорей всего, он вовсе меня не преследовал! Просто показалось.

– А знаешь, это мог быть полицейский в штатском. Впрочем, не думаю, чтобы Хейли установил за тобой слежку. По крайней мере, не сразу.

Тем не менее, Сэнди выглядел хмурым и встревоженным. Он обернулся к Джастину:

– Что там у тебя за чертовщина с ростовщиком?

Джастин взъерошил волосы и снова тщательно пригладил их:

– Очень неприятная история.

– Неприятная? Мягко сказано. Вот если бы Эмми отказалась заплатить, была бы неприятная – как дырка в черепе.

– Дырка в черепе? – оживился Джастин. – А я почему-то представлял Ист-Ривер и камень на шее.

Рука Сэнди непроизвольно дернулась. Эмми узнала это движение – с ней часто происходило то же, когда ей до смерти хотелось закатить Джастину оплеуху.

– Что дырка, что камень – одинаково неприятно. Из-за каких-то пустяков...

– Пустяков?! – голос Джастина задрожал от благородного негодования. – Лично я не рискнул бы назвать сорок тысяч долларов пустяками!

– Сорок ты... Господи! Джастин! И как раз сейчас, когда так туго с деньгами...

– Не с деньгами туго, – парировал Джастин, – а Ди скряга! И всегда была такой. Говорю тебе: вся в отца. А у него, можешь мне поверить, зимой снега было не выпросить.

Сэнди потряхнул головой, точно вынырнув из воды:

– Ну ладно. Эмми, проводи меня до двери.

Когда они вышли в холл, Сэнди с ужасом спросил:

– Он что, всегда такой?

– Ты же не первый день его знаешь.

– Так-то так; но мне он всегда казался таким безобидным попрыгунчиком. На что он потратил такую уйму денег? Женщина?

– Говорит – ставки на бегах.

Сэнди подумал и покачал головой:

– Может быть, во мне говорит шотландская кровь, но я вот что скажу тебе, Эмми: если так пойдет дальше, вы останетесь без единого цента – и ты, и Ди.

– Ох, да это чепуха. То есть, конечно, никакая не чепуха. Знаешь, иногда мне кажется, что деньги Ван Сейдемов для того и существуют на свете, чтобы причинять мне головную боль.

Он ухмыльнулся – и снова превратился в прежнего, до боли знакомого Сэнди:

– Есть люди, которое многое отдали бы за такую головную боль. Спокойной ночи, Эмми. Никого не впускай в дом и сама не выходи – то есть выходи, конечно, но будь осторожна.

– Ну, что со мной может случиться?!

– Время от времени, – с расстановкой произнес Сэнди, – людей избивают до полусмерти. Или сталкивают с тротуаров под колеса. Или... – Он оборвал себя на полуслове и ласково поглядел на Эмми сверху вниз: – Что, запугал? На тебе лица нет. Ну-ка, верни его на место. Я хочу тебя поцеловать.

Поцелуй, неожиданно для обоих (как думала потом Эмми), оказался жарким и долгим. Затем Сэнди велел ей запереть двери на все замки, сказал, что прикажет швейцару никого не впускать к Ван Сейдемам без предварительного звонка по домофону, и велел ей утром сказать то же самое управляющему. Эмми согласилась, хотя это все и казалось ей ужасной глупостью.

Вернувшись в гостиную, она увидела, что Джастин вприпрыжку удаляется вверх по лестнице, и отправилась гасить свет во всем доме – но, вопреки своему обыкновению, оставила в нескольких комнатах горящие лампы. Верхнюю дверь она решительно заперла на задвижку. Если Агнес явится поздно (или вообще явится), то без малейших колебаний начнет трезвонить в дверь до тех пор, пока Эмми не проснется. Ну, а Джастин всегда спит безмятежным сном младенца.

Наконец, точно в спасительную гавань, Эмми вошла в собственную комнату. Она огляделась – и вспомнила, как после прогулки с Ди по магазинам вернулась сюда, сняла перчатки и надела новые, чтобы идти на собрание... Неужели это было только сегодня?! Неужели всего несколько часов назад она просматривала письма, лежащие теперь на столике у шезлонга, рядом с серебряным ножом для бумаги?.. Знать бы, чем кончилось собрание, мельком подумала она. Затем мысли ее вновь обратились к Джастину. Нужно завтра же расплатиться с ростовщиком! Правда, Эмми не знала, как нужно разговаривать с ростовщиками, но убедила себя, что это совсем не сложно.

Она пыталась уснуть и не думать об убийстве Гила Сэнфорда; но дневные события снова и снова вставали у нее перед глазами. Тогда Эмми решила вспомнить, что ей вообще известно о Гиле.

Ей казалось, что она знает о нем довольно много; но когда она попыталась разложить эти знания по полочкам, оказа-

лось, что раскладывать-то и нечего. Гил всего-навсего принадлежал к тому же кругу, что и она. Как и когда Гил вошел в этот круг, она не могла припомнить. Кажется, он окончил колледж – где? какой? – и имел собственное дело. Гил был архитектором, но, похоже, не слишком процветающим. у него всегда было полно свободного времени. Эмми никогда не слышала, чтобы Гил был богат; следовательно, рассудила она, он зарабатывал ровно столько, сколько требовалось для поддержания образа жизни бонвивана. Сэнфорда знали все, но Эмми не помнила, чтобы у него был хотя бы один близкий друг.

Гил время от времени приглашал Эмми к ужину или в театр, и пару раз она даже отвечала ему согласием, но ни он, ни она не испытывали при этом особого энтузиазма. Зато сам он охотно принимал приглашения на ужины в качестве, любезном сердцу всякой хозяйки, – "свободный молодой человек". Интересно, не без ехидства подумала Эмми, есть ли в Нью-Йорке хотя бы один "подающий надежды" молодой холостяк, который не пользуется этим обстоятельством ради дарового ужина?

Вообще-то она не могла не признать, что Гил Сэнфорд был весьма мил, но на ней он ни разу не испробовал свои чары. Зато для Дианы Гил оставался бессменным и, безусловно, приятным кавалером.

В Гиле было неуловимое "нечто", льстившее дамам. Лица юных девушек вспыхивали румянцем, едва Гил приближал-

ся к ним. Но ей, Эмми, он никогда не нравился. Возможно, от того, что его веселые карие глаза казались ей бездумными и пустыми... Вспомнив, какими были эти глаза сегодня днем, Эмми вздрогнула всем телом, зажмурилась и помотала головой, отгоняя страшное видение.

А его семья? Не из яйца же он вылупился! Должны у него где-то быть мать, отец, братья, сестры... Но Эмми, хоть убей, не могла припомнить, откуда, из какого города, из какого уголка взялся Гил Сэнфорд. Он просто был – и все.

Может, Диана и Дуг что-то знают о его родных? Если да, то Дуг, наверное, уже уведомил их...

Нью-Йорк, полусонно думала Эмми, – это не город, а мириады крохотных городков, которые накладываются один на другой; житель одного из них запросто может познакомиться и подружиться с жителем другого. А вот Гил, похоже, был своим в каждом из этих городков. Он знал всех, и все знали его. И эта загадочная помолвка с Корриной Харрис... Сама не отдавая себе в этом отчета, Эмми когда-то раз и навсегда причислила Гила Сэнфорда к мужчинам, которые наслаждаются обществом многих женщин, но женятся только на деньгах. Она почти не знала Коррину, разве что видела ее на сцене да время от времени слышала, что в запале говорил о ней Дуг; и все же она чувствовала, что деньги тут ни при чем. Но кто может понять, почему люди совершают те или иные поступки? Эмми знала одно: она не хотела, чтобы Гил умер такой смертью – и уж, конечно, не в доме Дианы...

Она снова, в который раз, взбила подушку и обреченно подумала, что, наверное, так и не уснет.

И тут зазвонил телефон.

Эмми в темноте пыталась нашарить телефонный аппарат. Диана, думала она, это Диана! Наконец она поднесла трубку к уху, и чей-то тихий голос произнес:

– Только попробуй, скажи полиции. Пожалеешь. Я не шу-чу.

Раздался щелчок. Несколько секунд в трубке стояла тишина; затем снова щелчок – и долгий гудок. Значит, Джастин снял трубку первым!

Эмми спрыгнула с кровати, накинула халат и босиком побежала в большую угловую комнату, которую Джастин продолжал занимать и сейчас, после смерти матери. Дверь была закрыта. Эмми постучала – сначала робко, затем требовательней, – но ответа не последовало. Тогда она открыла дверь и позвала:

– Джастин! Джастин!

Легкий храп был ей ответом. Джастин умел быть увертливым, как угорь, когда хотел. Эмми нашарила выключатель – и ослепительно яркий свет люстры затопил комнату. Джастин заворочался, сел на постели и зевнул – пожалуй, чересчур правдоподобно.

– Кто звонил? – спросила Эмми.

– Звонил? – недоуменно переспросил Джастин, снова зевая.

– Да, кто-то звонил по телефону. И говорил с тобой. Кто это был?

Джастин широко раскрыл блекло-голубые глазки:

– Никто не звонил. С чего ты взяла? Тебе приснилось, Эмми.

– Нет, не приснилось. Ты снял трубку, и вы разговаривали.

Джастин поморгал и с детским простодушием спросил:

– А о чем?

– Он сказал: "Только попробуй, скажи полиции – пожалеешь!" Вот что он сказал! Кто это был – твой ростовщик? Или кто-то из его вышибал – так ты это называешь? Кто, Джастин?

Отчим растерянно покачал головой и снова зевнул:

– Понятия не имею. Я не брал трубку, Эмми. И, ради всего святого, погаси ты этот свет. Ты меня совсем ослепила. – Он на несколько мгновений задумался, затем добавил: – А может, это тебе звонили, Эмми? Из-за убийства Гиля. Вдруг ты знаешь что-то такое, что могло бы разоблачить убийцу?

Джастин, конечно, большой ребенок, беспечный и наивный; однако в его словах могла быть доля истины. Но главное Эмми уже поняла: честного ответа от него не добьешься.

– Ну ладно, – сказала она и кулаком стукнула по выключателю. – Ладно же!

– О, можешь не извиняться, – голос Джастина из темноты буквально источал любезность. – Я вовсе не сержусь, что ты меня разбудила. Спокойной ночи, голубушка!

Эмми прошлепала в свою спальню и включила ночник. Телефонный аппарат матово поблескивал в полумраке. Она села на постель и принялась искать объяснения странному звонку. Конечно, скорее всего, Джастин лжет – по причине, известной только ему. С одной стороны, Джастин – непревзойденный мастер по части всяческих уверток и "лжи во спасение", которую вовсе не считал ложью; с другой – вдруг он прав? Вдруг кто-то решил, что она, Эмми, обладает некоей информацией, которая, стань она известна полиции, может разоблачить убийцу? Если – точнее, когда – дело дойдет до суда, она, как и предупреждал ее Сэнди, будет очень важным свидетелем – по меньшей мере, свидетелем того, что происходило непосредственно после убийства. Но ведь она, Эмми, не знает ничего такого, что ей самой казалось бы важным, и уже тем более – ничего такого, что означало бы опасность для других! Однако убийца-то может считать, что она знает – а это ничуть не лучше, чем если бы она знала на самом деле...

Эмми бросило в дрожь. Прав был Сэнди: нужно беречься! Людей убивают, говорил он, толкают под колеса... Ладно. Она будет очень, очень осторожна. Незнакомый голос в телефонной трубке или человек, который шел за ней от дома Дианы, действительно могут таить в себе опасность. Голос в трубке был тихим, почти ласковым, но в каждом слове ощущалась угроза...

Эмми решительно сказала себе, что в такой поздний час

ничего путного не придумашь, а только запугаешь себя до полусмерти, и скользнула в постель – но свет не погасила. Остаток ночи оказался сплошным кошмаром. Сначала Эмми стало жарко, и она отшвырнула одеяло; затем у нее застучали зубы, и она начала кутаться; потом, наконец, забылась тяжелым, беспокойным сном – и ей приснилось, будто она танцует с Гилом Сэнфордом; на нем – элегантный смокинг; Гил кружит ее в танце, и она видит на груди его белоснежной рубашки алое пятно; она поднимает голову – пустые, бессмысленные мертвые глаза глядят поверх ее плеча... Эмми проснулась в холодном поту, вскочила, выпила холодной воды и села на край постели – подождать, пока кошмар окончательно рассеется. И тут ее внезапно сморил сон, да такой крепкий, что она проснулась на несколько часов позже обычного и ужаснулась – ведь впереди было столько дел!

Когда Эмми спустилась вниз, Джастина уже не было дома, но перед уходом он явно побаловал себя плотным завтраком – стол был уставлен кофейными чашками, рюмочками для яиц всмятку, тарелками из-под каши, молочными кувшинчиками; а поверх всего лежали утренние газеты.

Уборщица уже пришла – из соседней комнаты доносился шум пылесоса. Под его успокаивающее гудение Эмми принялась за газеты. И "Таймс", и "Дейли Ньюс" поместили вчерашнюю историю на первой полосе. Заголовки, однако же, были набраны скромным шрифтом и не слишком бросались в глаза. Обе статьи содержали только сухие факты – без ка-

ких-либо намеков, связанных с личной жизнью сестер Ван Сейдем, без упоминаний о том, что в последние несколько месяцев Гил зарекомендовал себя преданным рыцарем Ди. Было только сказано, что убийство произошло в доме драматурга Дугласа Уорда, супруга урожденной Дианы Ван Сейдем, премьера новой пьесы которого состоится на днях на Бродвее. Среди деталей биографии Гила Сэнфорда не оказалось ничего такого, о чем Эмми не знала бы прежде.

"Уолл-Стрит Джорнал" лежал на стуле, аккуратно сложенный, – Джастин никогда не питал интереса к миру финансов. За чашкой кофе Эмми внимательно просмотрела журнал и с карандашом в руках попыталась разобраться, какие акции она сможет продать с наименьшим ущербом для себя. То, что получилось, совершенно ей не понравилось, и она – в который раз! – мысленно посетовала на то, что не может раз и навсегда переложить груз финансовых дел на чьи-нибудь надежные плечи. Впрочем, поступить так означало бы не оправдать отцовских надежд, а это было не в натуре Эмми. Банковский доверенный давал ей советы, но решения она всегда принимала сама.

– Ну, ничего, – с усмешкой пробормотала она, – уж в следующей жизни я ни за что и ни за кого отвечать не буду!

Эмми допила кофе, поднялась наверх и позвонила своему брокеру. Она почти что видела, как он там, на другом конце провода, неодобрительно качает головой. Тем не менее, брокер не только дал ей дельный совет, но и пообещал тща-

тельно все обдумать и продать то, что она велела, с наименьшими потерями. Затем, под нажимом Эмми, он дал ей слово отправить посыльного с чеком в банк за акциями.

– По рыночной цене? – с грустью переспросил он, и Эмми твердо ответила:

– Да, по рыночной.

Потом она позвонила в банк, мистеру Эллердайсу, и попросила назначить ей встречу на одиннадцать тридцать.

– Разумеется, – ответил тот. – Всегда счастлив вас видеть.

Ну, и как мы будем расплачиваться с ростовщиком, спросила себя Эмми. Хорошо было задать этот вопрос Джастину – но что он может сказать? Она набрала номер Сэнди – уж он-то даст дельный совет! – но девичий голос в адвокатской конторе ответил, что мистера Путнэма нет, и когда придет – неизвестно. Эмми поняла, что в ближайшее время ей не удастся узнать ничего нового ни об уплате долгов Джастина, ни об убийстве Гила Сэнфорда.

Она решила позвонить Джастину. Он наверняка торчал в одном из своих клубов, о которых непочтительно отзывался как о "Храмах Предстательной Железы". Названий такого рода в справочнике не найдешь, и Эмми пришлось мучительно вспоминать, как на самом деле называется излюбленный клуб отчима. Она и вспомнила, и дозвонилась – но Джастина там не оказалось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.